

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 10/58

ОКТАБРЬ 1938.

№ 10/58

СОДЕРЖАНИЕ :

Гайдар Баммат. Итоги Мюнхена.

** Победа Японии.

3. Авалишвили. После бури.

В. Оленин. Злые силы.

Тамбий Елекхоти. Чехи и германский мир.

Викинг. "Военная мощь" Москвы.

Тбилисели. Советская руссификация.

Сурхай. — Кавказ и державы в XIX в.

** Репрессии в Турции.

Обзор Печати.

Хроника.

27 октября 1938 г.

ИТОГИ МЮНХЕНА **ВСЕГО** три недели отделяют нас от Мюнхенских соглашений.

Коренная ломка политической и экономической структуры Центральной и Юго-Восточной Европы, вызванная свиданием четырех вершителей судеб нашего континента, в полном разгаре.

Понадобится вероятно несколько месяцев для того, чтобы здесь установилось новое равновесие.

Небезынтересно однако попытаться уже теперь подвести некоторые итоги и

обозначить вехи намечающейся на наших глазах эволюции.

До сентябрьских событий еще могло казаться что, несмотря на аншлюс Австрии, в Европе все же существует известное, хотя и не очень устойчивое равновесие двух военно-политических систем.

С одной стороны: Англия, Франция и СССР — с другой: Германия и Италия, поддержанные на Дальнем Востоке Японией.

Военная мощь обеих группировок многим представлялась приблизительно одинаковой.

Иллюзия эта покоилась главным об-

разом на глубоко ошибочной оценке военного потенциала СССР.

В свете чехословацкой драмы мир воочию убедился в ошибочности этого взгляда.

Советская Россия в эти драматические дни, как мы в прошлом неустанно предсказывали, оказалась просто на просто снятой со счетов.

Вся ее зловещая роль свелась к одной лишь искусной провокации Праги и Парижа к войне.

Робкая попытка, трусливо притаившейся с начала обострения конфликта Москвы, оказать давление на Польшу в момент концентрации польских войск на Тешенской границе, кончилась жалким фиаско. Немедленный надменный ответ Варшавы на представление земестителя наркоминдела Потемкина заставил кремлевских шантажистов прикусить язык и вернуться в первоначальное позорное небытие...

Запоздалые потуги Лондонского полпреда Майского полемизировать с лордом Винтертоном о роли Советского Союза в дни кризиса никого не обманули.

Опыт отныне проделан. В тревожные дни Европы, когда производился смотр военным силам готовых вступить в кровавую схватку коалиций, Москва оказалась в нетях... Этого факта не вычеркнуть из жизни. Будем надеяться, что недалек тот день, когда из него сделают надлежащий вывод и на берегах Сены и злополучный франко-советский пакт, лишивший Францию стольких друзей, будет наконец аннулирован.

Политические последствия Мюнхенского свидания трудно преувеличить.

День 30 сентября поистине может почитаться демаркационной чертой, отделяющей Европу вчерашнего дня от Европы завтрашней.

В этот день окончательно сошла в могилу Лига Наций и целая эпоха европейской политики, связанная с Женевским международным учреждением и лицемерной декламацией о "неделимом мире" и "коллективной безопасности".

Победившие в Великой войне державы формально признали необходимость радикальных изменений в территориальном статуте Европы. Наиболее вопиющие "территориальные" пункты договоров 1919 г. были фактически аннулированы.

В этот день была похоронена по третьему разряду печальной памяти Малая Антанта — это злое детище Бенеша и Титулеско, порожденное для того, чтобы держать в цепях искалеченную в Трианоне Венгрию и закабаленные национальные меньшинства...

В этот день в особенности был нанесен самый страшный, быть может, смертельный удар тлетворному влиянию Москвы в Европе.

Отныне можно быть уверенным, что волна коммунизма готовившаяся захлестнуть союзные СССР страны центральной и западной Европы скоро отхлынет далеко в русские степи...

Отлив уже начинается. Вслед за Словакией и Подкарпатской Украиной и правительство Праги запретило на территории Чехии и Моравии коммунистическую партию.

Это начало процесса, логическим развитием которого должен быть неизбеж-

ный закат в Европе всех политических доктрин и формаций так или иначе связанных с Третьим Интернационалом и черпающих свои директивы из Кремля.

Такое последствие Мюнхенских приглашений исполнит радостью сердца всех искренних сторонников мира, ибо чем меньше будет места в Европе интригам Кремля и влиянию разрушительных идей коммунизма, тем легче будет европейским народам найти общий язык и освятить эру взаимного понимания и мирного сотрудничества.

Особенно должны приветствовать счастливый исход Мюнхенских переговоров друзья Франции, ибо эта прекрасная страна освободилась наконец от опасной роли европейского жандарма и сможет посвятить свои силы защите собственных чисто французских интересов.

В военном отношении Франция располагает всеми необходимыми данными для успешной обороны своей европейской территории. Этой территории к тому же никто не угрожает. Что же касается колониальных интересов Франции, рассеянных по всему свету, то союз с Англией дает ей достаточные гарантии и с этой стороны.

Отказавшись от активной роли в Центральной Европе, не отвечающей больше ее демографическим возможностям и чреватой грозными осложнениями с могущественными соседями, Франция обезпечивает себе эру длительного безмятежного мира и спокойного внутреннего строительства.

После двух лет разрушительных социальных опытов, так глубоко потрясших финансовый и экономический организм страны, Франция, быть может, боль-

ше чем какая либо другая страна в Европе нуждается в мире и безопасности...

В фокусе мирового общественного внимания Центральная и Юго-Восточная Европа. Здесь происходят сдвиги, которым предопределено сыграть решающую роль в дальнейшем ходе истории.

Чехо-Словакия, задуманной и осуществленной авторами послевоенных договоров больше не существует. Новая Чехо-Словакия, лишилась естественных опорных пунктов военной защиты. Из высоко-индустриализованной страны она превратилась в страну с преобладающим земледельческим хозяйством. Жизненные интересы повелительно диктуют ей вступить в орбиту политико-экономической системы Германии.

В Праге это поняли и соответствующая перестройка государственного аппарата уже началась.

В последние дни, в связи с размежеванием Венгрии со Словакией и Подкарпатской Украиной известная часть европейской печати охотно спекулирует на создании т. наз. "Третьей Европы", в которую призваны войти все государства, лежащие между Германией и СССР. Авторы этой идеи лелеют честолюбивую мечту создать между Балтийским и Черным морями мощную политическую группировку, которая станет подлинным арбитром Европы.

У новой группировки, как у двуликого Януса будет два лица. Одним она будет смотреть на Германию, другим на Россию...

Нам думается, что это горделивое

начинание, не отвечающее реальной обстановке и объективным возможностям мыслимых его участников, имеет мало шансов на успех.

Не исключена возможность того, что по разным соображениям оно встретит некоторое сочувствие в больших европейских столицах, но трудно поверить, что малые народы Прибалтики и Юго-Востока Европы, только что наблюдавшие, что получается с небольшими государствами, когда они вмешиваются в дела великих и пытаются делать большую европейскую политику, позволят увлечь себя в блок, острие которого попеременно будет направлено в сторону то одного, то другого гигантского соседа.

Такая опасная эквилибристика едва ли будет им по вкусу и по силам.

Отказ Финляндии пойти навстречу видам полковника Бека и затруднения только что встреченные им в Галаце довольно красноречивы...

Нам представляется более вероятной, экономически пожалуй неизбежной, быстрая эволюция Венгрии и Румынии в сторону сотрудничества с Германией.

Можно пожалуй не сомневаться в том, что вопрос экономического выхода Германии к Черному морю, которым недавно пугал мир в своей речи Черчилль, является вопросом самого недалекого будущего.

В Берлине конечно понимают, что появление Рейха на берегах Черного моря не может не вызвать известной тревоги в Балканских странах и в Турции.

Отсюда естественное стремление немецких правящих кругов и национал-социалистической прессы убедить Анкару,

Белград и Софию, что в противоположность Англии, которая в этом секторе преследует чисто политические интересы, акция Германии на Ближнем Востоке ставит себе задачи исключительно экономические.

“Со стороны Германии, — писал недавно “Национал Цейтунг”, — орган, как известно отражающий взгляды маршала Геринга, — не раз подчеркивалось, что стремясь к улучшению экономических отношений между Велико-Германией и Юго-Востоком Европы, Рейх ни в какой мере не руководствуется намерениями или соображениями политического характера, а исходит исключительно из того факта, что экономика Германи и Юго-Восточной Европы дополняют друг друга”...

Те же цели дружелюбного вовлечения в экономический оборот Германии Балканских стран и Турции носила недавняя нашумевшая поездка министра национальной экономики Рейха в Анкару, Белград и Софию. Ниже, в “Обзоре Печати”, читатели найдут чрезвычайно интересное интервью, данное по возвращении доктором Функом о целях и результатах его четырехнедельного путешествия. Ограничимся здесь небольшой цитатой, дающей яркое представление о целеустремлениях новой, или вернее обновленной, экономической политики Германии:

“...Благодаря значению Дуная для Юго-Востока Европы, — заявил министр, — создалась новая самодовлеющая экономическая зона, идущая от Северного моря до Черного; Юго-Восточная Европа и Малая Азия владеют или производят почти все то, в чем нуждается Германия. Ни одна страна не покупает про-

дуктов Юго-Востока Европы в таком количестве, как Германия. Мы покупаем в два раза больше чем Англия, Франция и Соединенные Штаты вместе взятые”...

Эта пропорция конечно еще более возрастет в результате соглашений уже заключенных д-ром Функом или имеющих быть заключенными в связи с предстоящим приездом в Берлин министров национальной экономики Болгарии, Турции и Югославии...

В наше время экономические и политические интересы государств, как известно, тесно переплетаются... Не будет

ничего удивительного в том, что правительства Анкары, Белграда и Софии, рано или поздно сделают логические выводы из факта, что благосостояние их стран зависит от дружеских отношений с Германией. Мы живем в исключительно динамическое время, но надо надеяться, что после Мюнхенского свидания правительства великих держав перейдут к мирным способам разрешения назревающих политико - экономических проблем.

Гайдар Баммат.

ПОБЕДА ЯПОНИИ

НАМ еще не раз придется возвращаться к этому вопросу, — сейчас лишь считаем нужным отметить самый факт: не прошло и полутора года, как полная и окончательная победа Японии во всех главных пунктах огромной территории Китая определилась с несомненной и явной для всех очевидностью. В таком именно исходе предпринятых Японией военных действий против правительства Чан Кай Шека мы, разумеется, никогда не сомневались и всегда высказывались, в этом смысле. Если принять во внимание всю огромную протяженность расстояний в Китае, то блестящую победу японцев можно назвать молниеносной. Взятие Кантона и Ханькоу — это в сущности, завершает военную экспедицию, которую политические враги Японии пророчили для нея нескончаемой. Совершенно ясно, что сопротивление китайских армий ослабевает с каждым

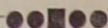
днем, что регулярных войск уже, может быть, не существует вовсе, что дело Чан Кай Шека проиграно окончательно, и перед японцами уже стоят новые задачи: для армии — очищение китайской территории от анархических банд — остатков побежденных китайских войск, — для правительства — политическое оформление победы, как во взаимоотношениях с Китаем, так и с великими мировыми державами, чьи интересы затронуты новой создавшейся ситуацией.

Повторяем — ко всем этим вопросам первостепенной важности нам еще неоднократно придется вернуться, — но сейчас нельзя не отметить, что и в этом деле, как во всех прочих за последние годы, главным побежденным является Советский Союз, все та же преступная красная Москва, всюду сеющая смуту и льющая чужую кровь во имя своих разрушительных задач, к счастью встретив-

ших решительный и организованный отпор и всюду провалившихся.

Для Китая лишь наступает новая эра, возможно даже — более счастливая, но для Москвы победа Японии — это по-

истине — страшный и сокрушительный удар, — конечно, не только моральный. Стоит лишь припомнить недавние столкновения у бухты Посыета на Манчжурских сопках.

3. АВАЛИШВИЛИ.

После бури

НИЧЕГО нельзя прибавить к тому, что уже сказано, на тысячу ладов и на всех языках подлунного мира, о чехословацкой трагедии, о падении бастиона, возведенного Версальским договором в Средней Европе и т. д. Самое, однако, удивительное в этой истории, для одних печальной, для других радостной, все же то, что в 1938 г. Чехословакия, по настоящему Чехо-Словакия, в конце концов, не рухнула (как многим показалось!), а, напротив, возникла. В самом деле, только теперь эта республика стала — или становится — тем, чем она себя провозглашала, чем, с самого начала своего обещала быть, — то-есть соединенным государством чехов и словаковъ. Однако и после того, что произошло, наименование это, т. е. "Чехословакия", оказывается не вполне точным, потому что новая или, во всяком случае, обновленная республика будет по существу все же не двуединой, а триединой — в том, конечно, случае, если Карпатская обл. останется в ее составе. Кстати сказать, именно этим углом или концом своим Чехословакия должна особенно интересоваться,

рядом с русскими и украинцами, также и кавказцев — ведь здесь перед нами как бы частичное разрешение украинского вопроса, а с Украиной в некоторых отношениях связана будущность Кавказа. Но это — так, мимоходом.

Едва ли есть основание извлекать из того, что приключилось с Чехословакией в последние месяцы, какие либо уроки. И прежде всего, не слишком ли рано производить окончательную оценку того, что произошло? Ведь, возможно, что положительные качества чехов, всеми, кажется, признаваемые, их деловитость, выдержка, культурность и т. д., обнаружатся с еще большею полнотою в более тесных рамках отныне строго национального очага, когда значительная часть ценной энергии не будет уходить на преодоление центробежных стремлений всех, а они насчитывались миллионами, кто не мог, по совести, видеть в Чехословакии "своего", родного государства, хоть и был его подданным. Словом, не будем торопиться с нашим заключением, и уж во всяком случае не станем проливать слез по поводу расчленения "версальской" Чехословакии.

Судьба ея и теперь — можно даже сказать: как раз теперь — куда завиднее нашей собственной.

В 19-ом столетии борьбою за свое национальное освобождение чехи вписали значительную страницу в политическую историю Европы. Им удалось создать собственное государство, после войны 1914-1918 г.г. Судьбе угодно было подвергнуть его в только что пережитые исторические дни осени 1938 года испытанию, поставившему Чехию в центр мирового внимания. О различных сторонах, о причинах этого испытания можно судить различно, не сходясь во мнениях и оценках. Можно даже не разделять взглядов, получивших по этому поводу довольно широкое признание. Необязательно, например, предполагать, что судетские германцы непременно остались бы в пределах Чехословакии, если бы только требования их были своевременно уважены чехословацким правительством, и если бы оно, по медлительности своей, не отставало, как раньше австро-венгерское, от неизбежного хода событий; как необязательно предположение, что организовавшись сначала же на “швейцарских” основаниях, — чего она не сделала, — Чехословакия получила бы возможность согласовать разноречивые стремления различных своих национальностей и этим предотвратила бы раздел 1938 г. В действительности, однако, предоставление судетским немцам прав, которых они добивались, по всей вероятности, лишь облегчило бы им и ускорило воссоединение с Германской Империей. Вдобавок, “швейцарская” схема государственного устройства, едва ли была совместима с весьма не “швейцарскою” ролью “бастио-

на”, враждебного Германии, возложенной на Чехословакию.

Так или иначе, раздел оказался неотвратимым, и на некоторых, связанных с ним вопросах, не лишнее было бы остановиться.

Влечет за собою много последствий и, возможно, окажется многозначительным прецедентом разрушение древних исторических рамок королевства Богемии. Границы его были не только освящены многовековою давностью, но представлялись и экономически оправданными с точки зрения хозяйственного единства славяно-германских земель короны св. Венцеслава, не говоря уж о слишком очевидной целесообразности их в стратегическом отношении. Несмотря ни на что, голос крови оказался сильнее традиции, сильнее привычки и взял верх над соображениями экономической выгоды (“кровь гуще воды”). Территориальный передел произведен по признаку национально-этническому, с принесением в жертву тысячелетних связей согражданства и сожительства. Разрушено единство не воображаемое, не воспоминаемое лишь по наслышке или из плохо усвоенных чтений, но живое, до последнего почти момента не переставшее быть действительным.

С другой стороны, по поводу “швейцарской” стороны дела, как не задуматься, по поводу нотаций, которые теперь так охотно обращают к чехам задним числом, над головоломностью задачи, требующей везде, где она ставится, для положительного своего разрешения, совершенно исключительного сочетания условий и особо благоприятного стечения обстоятельств. Участники государственной кооперации по швейцарскому

образцу не могут не быть по существу национально различными. Если бы не было этого различия, не было бы и вопроса об организации отдельных слагаемых в одно целое. Но различие это не должно доходить до такого взаимного отталкивания, по той или другой причине, от которого часто один лишь шаг до распада. Не одни "судетские немцы" могут оказаться перед соблазном — предпочесть открытые объятия богатых родственников-соседей участию в какомнибудь хороводе "швейцарского" типа.

Наконец, как не остановиться на чисто военных данных германо-чешского конфликта. По природным своим богатствам и хозяйственному уровню, в частности же по оборудованию своему в области военной промышленности Чехословакия была страной выдающеюся и весьма заметной в масштабе общеевропейском. Она была бы в состоянии, до раздела, служить арсеналом не только для себя, но и для своих соседей-союзников, сравнительно более отсталых в отношении промышленного развития. И в этом не было ничего удивительного, если отдать себе отчет в размерах наследства, полученного чехами от Австро-Венгерской монархии и если вспомнить, что, например, в 1937 году, Чехословакия по добыче железа и производству стали превосходила Италию. Впрочем, общеизвестно значение этой страны в системе военнополитического равновесия Европы до недавнего усиления Германии. Значение это основано было как раз на способности Чехословакии не только организовать и содержать многочисленную и хорошо обученную армию, приблизительно равную одной четверти германской, но и

обеспечить ее военным снаряжением и припасами собственного производства и в мирное, и в военное время.

Все эти преимущества и, вдобавок к ним, дружба или союз великих держав Запада не могли, однако, помешать тому разделу чехословацкой территории, свидетелями которого мы все являемся. Произошло это по причинам и обстоятельствам, которые у всех перед глазами. Но не будь у Чехословакии мощной армии, едва ли народ ее оказался бы способным в таком порядке и с такою выдержкой перейти на новые, отмежеванные ему историей государственно-территориальные позиции; точнее говоря, сосредоточиться в пределах бесспорно ему принадлежащих земель; тех, на которых отныне построится его национальная будущность.

Перелом в судьбе Чехословакии был, конечно, симптомом, притом, симптомом многозначительным, более решающего и обширного перелома, наблюдаемого в общеевропейском политическом равновесии.

"Великие вопросы нашего времени" решались, по Бисмарку, "железом и кровью". Повидимому, они могут иногда решаться, если угодно, "железом" (вооружения!), но без "крови". Так было весною с Австрией, и в том же смысле надо понимать Мюнхенское соглашение четырех великих держав Запада о Богемии. Но "железом", надо прибавить, подкреплялось нечто, по существу более убедительное: желание бывших австрийских и богемских немцев быть с Германией, раз не было больше монархии Габсбургов. Уважительность, законность, понятность "человеку на улице" этого желания имели, конечно, не меньше зна-

чения, чем грохот “железа”, в глазах общественного мнения Франции и Англии и бескостью своею помогли склонить эти державы к мирному разрешению вопроса о германских долях наследства Габсбургов.

Было бы вообще преувеличением считать, что призрак неустранимой, рано или поздно неизбежной войны будет непременно и непрерывно омрачать в ближайшие годы взаимоотношения Германии и великих держав Запада. Напротив, можно утверждать без особого риска, что шансы делятся поровну между таким, мнимо “фатальным” столкновением и возможностью длительного соглашения и мира.

С этими оговорками — их легко можно было бы умножить — можно, пожалуй, даже признать, что есть доля правдоподобия в предположениях тех, кто ожидает в дальнейшем перехода Германии, освобожденной от стеснительных оков Версальского договора, к некоторым темам из цикла, намеченного другим международным трактатом немалого значения, внесшим большие перемены в территориальный уклад Восточной Европы. Разумеют при этом Брест-Литовский договор 1918 г. Такое направление мыслей представляет для нас особый интерес. Как известно, договор этот отразился в свое время и на судьбах Кавказа, во-первых, постановлением своим о территориальных уступках в пользу Турции, а, во вторых, возложением на Россию (по соглашению, дополнительному к основному Брест-Литовскому трактату) обязательства признать независимость Грузии.

Разумеется само собой, что с полным изменением политического пейзажа Ев-

ропы к востоку от Германии, после 1918 года, в настоящее время речь может быть никак не о решениях давно уже мертвого международного акта, а лишь о стремлениях, тенденциях, в известном смысле аналогичных, но ждущих разрешения в совершенно новой обстановке посредством мирных соглашений, а не в виде военно-политических достижений победителя. Было бы впрочем преждевременно вообще останавливаться на этой, далеко еще не ясной теме. В частности же не имеется серьезных, положительных оснований предполагать, что кавказские страны или даже Украина могли бы быть в ближайшем будущем вовлечены в сферу политических сдвигов, ставших возможными благодаря переменам, наблюдаемым с некоторого времени в европейском равновесии. Если уже теперь говорят о предстоящем расширении и упрочении связей Германии, политических и деловых в бассейне Дуная и в направлении черноморских берегов, не исключая и турецких, то в этом нет ничего неожиданного или удивительного, с того момента, как третья германская империя, обосновавшись в Австрии и Богемии, заняла исходное положение, столь облегчающее ей пути проникновения на восток. Но не только предстоит ей еще как то размежеваться на этих путях с Италией, да в конце концов и не с одной Италией; немало потребуется времени и для прочного включения в организм Империи только что приобретенных столь значительных и во всех отношениях драгоценных провинций, с десятиллионным населением, и для установления нормальных связей с новыми соседями, как Югославия или Венгрия, а также для вероятного пересмотра и

приспособления к новым обстоятельствам условий особого германо-польского равновесия.

Произвела, конечно, большое впечатление и была, в известной мере, показательной, столь незначительная роль, сыгранная Советским Союзом, когда решался вопрос о Чехословакии. Он то и является, по всей вероятности, главным побежденным в только что испытанном Европою кризисе, потому что кризис как никак кончился соглашением с "западными демократиями" (не капитуляцией их, как желали бы нас уверить слишком ретивые), но в соглашении этом, в компромиссе Советский Союз не был ни участником, ни даже простым наблюдателем. Обошлись попросту без него. Сам же он особой свирепости, в виду очевидного успеха Германии, не обнаруживал. Судя по этому, можно предположить, что память о недавней ошибке с японцами на холмах у Посьетовой бухты была не из приятных, и не располагала к свободе действий и к резвости в вопросах большой европейской политики.

Как бы ни расценивали со специальной военной точки зрения обороноспособность коммунистической державы правительства государств, теоретически могущих оказаться с нею в конфликте (об этих расценках нам ведь ничего не известно!), — факт, что в данное время никто, кажется, не собирается ей угрожать. А изолированное, допустим, в смысле дипломатическом, положение ее правительства — изолированность эта, не забудем, не полная и еще не окончатель-

ная, — едва ли может помешать Советскому Союзу и дальше пребывать в том состоянии аутаркии, в котором ему угодно видеть свое счастье и свое призвание. Не на всегда, но на то время, которое понадобится для предстоящей перестройки европейского равновесия. Что перестройка эта в определенный момент может коснуться и стран востока Европы, это чувствуется и сейчас. Достаточно вспомнить хотя бы об украинском "коготке", увязшем в Чехословакии. Но нет, повторяем, необходимости рисовать себе дальнейшие возможные сдвиги непременно в виде обширных военных потрясений с "концом цивилизации" и тому подобными последствиями. Слишком ясно, что это — вещь возможная. Но зачем считать ее неизбежной и обязательной?

Впрочем, затруднительно гадать о будущем германо-советских взаимоотношений. Занятие неблагоприятное, тем более, что до сих пор иные допускают здесь возможность какого то внезапно и парадоксального возврата к так называемой "бисмарковской" традиции германо-русского соглашения. Еще проще было бы говорить в этом случае о возможности возврата к политике Рапалльского соглашения 1922 г. Только трудно поверить, чтобы "каменная десница" Третьей Империи облеклась в "чешскую" перчатку с "карпаторусской" застежкой для того лишь, чтобы дружески пожать "славянскую" длань Сталина-Джугашвили.

3. Авалишвили.

В. ОЛЕНИН.

Злые силы

МЮНХЕНСКОЕ соглашение четырех великих держав Европы должно стать поворотным пунктом в послевоенной международной политике. Только так, только в этом случае могут действительно сказаться его благотворные последствия.

Повидимому, это сознание не было чуждо правящим кругам и лично разделяется всеми участниками мюнхенских бесед. Лишь в том случае общая война будет действительно избегнута и избегнута надолго, если период взаимного недоверия, еле скрываемой вражды и постоянных придирок сменится искренним желанием понять чужие интересы и, приняв их к сведению, постараться найти пути и способы возможного удовлетворения.

Это не значит, конечно, что на земле сразу наступит райская эра безмятежного и безгрешного жития, и что все будет делаться лишь с общего согласия и в угоду друг другу.

У каждого государства свои собственные задачи и стремления, часто противоречивые, — борьба за существование будет диктовать многие поступки, идущие в разрез с интересами соседей, и трения, разумеется, неизбежны.

Но самое главное — это отказаться от той предвзятой вражды и подозрительности, которая определяла до сих пор характер государственных взаимоотношений в Европе.

Никто ведь в широких кругах населения, да и в среде большинства правительственных руководителей, в сущности, не хотел той войны, которая тем не менее вот-вот должна была разразиться, точно навязанная каким то зловещим роком. Ведь, казалось бы, это в воле людей — избежать нелепой бойни, безцельность которой ясна каждому, а между тем были дни, к счастью уже благополучно пережитые, когда ход событий будто уже не зависел от этой человеческой воли, и сам собою близился час неминуемого страшного кровопролития.

А случилось это потому, что уже давно, на протяжении нескольких лет, злые силы человечества всячески раскаляли атмосферу, подчиняя людей какому то психозу, настойчивому, непрестанному внушению, что решительное столкновение неизбежно и неминуемо, что надо напрягать все внимание и намеренно искать случая, дабы остановить то движение и новое направление истории, что создалось вследствие появления в Европе фашистских диктатур.

Те тайные силы, которые, благодаря французской революции, разрушили и смели стеснявшие их грани средневековья, которые открыли пути к власти "всем, всем, всем", провозгласив равенство прав вне сословий и исповеданий (на современном языке можно сказать — и вне национальности), они завладели в результате этой свободы новым решающим благом, дававшим все привилегии

взамен прежней родовитости, — завладели капиталом.

Более половины 19-го века было посвящено этому внедрению капитала в политическую жизнь, настойчивому завоеванию им и государственной и общественной власти. Большое задуманное дело казалось уже в значительной мере осуществленным, — капитал властно распоряжался, завоывая все новые и новые позиции. Это было время его почти безконтрольного господства и порабощения масс.

Но становилось ясным, что такое положение долго не продержится. Снизу нарастало неудовольствие, начинались вспышки стихийного противодействия.

И вот этой то стихией завладели опять те же самые силы. Вместо того, чтобы ждать неизбежного взрыва, они сами принялись организовывать революционное движение, так сказать — прибирать его к рукам. Порабощение масс путем эксплуатации их капиталом стало постепенно преобразовываться в господство над теми же массами на ролях их руководителей и вожаков, ревнителей пролетарских интересов.

Социальная революция постепенно оказалась в руках этих самых злых сил. Шла безпроигрышная игра "на оба табла". Один брат был директором - распорядителем или главным комиссионером большого торгового предприятия, а другой террористом агитатором, ведшим толпу на завоевание благ и разрушение старого мира. И сколько капиталистов попросту субсидировали мировую революцию.

Ведь, в сущности, задача преследовалась все та же: захватить власть, захватить господство над обезличенным,

лишенным самообороны населением, а с какого подойти конца, с правого или с левого, — это, конечно, совершенно различно.

Социализм и в его дальнейшем развитии коммунизм и есть как раз превращение каждого отдельного человека в послушного робота, потерявшего всякую духовную сущность: чувство национальности и культ прошлого, сознание своего достоинства, своей личной мощи, идеалы будущего. Нарочно для этой цели спутывались все понятия, способность какой бы то ни было оценки в вопросах религиозных, нравственных, интеллектуальных, эстетических. Это шла планомерная работа, которую в начале видели немногие, но теперь в значительной мере разоблаченная.

Мировая война, пережитая человечеством, задачи которой так рекламировались во всех странах, входила, конечно, одним из основных факторов этой разрушительной деятельности.

Надо было прежде всего уничтожить ненавистные остатки сопротивляемости, коренившиеся в уцелевших более или менее властных монархиях — в Германии, в Австрии, в России. Должны были окончательно пасть кой-какие твердыни феодализма, задерживавшие полное торжество капиталистического строя с его так называемыми "свободами", т. е. с официально признанным правом дальнейшей ничем нестесняемой подрывной работы.

На все эти темы трудно говорить в небольшой журнальной статье, и лишь вскользь установив главные основные положения, мы просто перейдем к сопоставлению общеизвестных фактов.

Все три намеченные монархии дей-

ствительно рухнули. Австро-Венгрия раздробилась по нескольким небольшим государствам парламентского режима, которые, конечно, не могли бы оказать никакого сопротивления тому или другому намеченному натиску, и на первых порах восприняли, как непреложную государственную догму, конституцию широких республиканских свобод по образцу "великих демократий". Тот же режим осуществился и в отошедших от России новообразованиях: всюду общий парламенский штамп — ответственные перед палатой министерства и случайная власть "демократического" большинства.

Сама Россия, благодаря чрезвычайной отсталости и анархизму своего коренного населения не удержалась на этой фазе, требующей известного культурного уровня, и сразу перескочила в неведомую, еще не оформленную область практически нигде не проверенного коммунизма. Результаты мы видим. Вышло далеко не то, что было задумано, но все же этот опыт всячески стараются беречь тайные злые силы, потому что это единственное, что удалось в результате минувшей великой войны достигнуть, как некое завоевание.

Все остальное — сплошная катастрофа для этих злых сил.

А ведь как казалось хорошо одно время! Германия Веймарской конституции считалась уже настолько захваченной, заполоненной, страной, что все, сколько ни есть интернационалов, охотно на перебой ей предлагали "аншлусс" Австрии и вообще какие угодно уступки и послабления. Коммунистическая Москва дружила с нею открыто, социалисты всех стран защищали и поддер-

живали ее интересы, а одновременно американские капиталисты, не боясь никаких инфляций, давали и давали взаимы сколько угодно.

На развалинах былой полуфеодальной Европы новые государственные деятели размельченной на либеральные республики территории с ораторским пафосом произносили свои пустозвонные речи, — все это венчалось интернационалом Лиги Наций, выдвигавшей таких людей, как Титулеско, Политис, Бенеш, — покорных, покладистых подчиненных, неспособных, разумеется, оказать никакого сопротивления натиску злых сил в их мировых революционных задачах, наоборот — попутчиков. Дошло, наконец, до того, что в качестве законного вершителя политических судеб мира заговорил в Женеве и Литвинов.

Но первая — подвела Италия. Рим, как уже не раз в истории, оказался первым вдохновителем нового социального движения. На те же пути со всей мощью своего духовного творчества повернула Германия.

Ведь нужны же были какие то совершенно экстраординарные меры, чтобы спасти себя от интернационального разложения и порабощения. В Италии уже начинался полный социальный развал, когда властной рукой остановил Муссолини дальнейшее развитие анархии, предупредив возможность переворота и все те бедствия, которые позднее выпали на долю Испании. В Германии численность коммунистов росла в грозной прогрессии, и гражданская война, в сущности уже началась, когда Хитлеру удалось сплотить и объединить противоборствующие вражескому натиску национальные силы.

Оба вождя хорошо себе отдавали и отдают отчет, что воинствующий коммунизм, поддерживаемый Москвой, не есть только теоретическая доктрина, и коммунисты любой страны не просто крайняя на левом крыле политическая фракция, а боевая дружина злостных сил, враждебных самому процессу естественного развития человечества. Эти вожди и поставили своим лозунгом непримиримую борьбу до полного искоренения противника.

Вот этой могучей реакции выдающихся людей и сплотившихся вокруг них возрожденных наций никак не ожидали и на первых порах не учли уже торжествовавшие свою победу злые силы. К Муссолини в начале отнеслись почти шутливо, давая самый недолгий срок его диктатуре.

А между тем как неузнаваемо изменилась за последние годы вся международная обстановка, изменилась в самых своих понятиях, в приемах, в подходах к выдвигаемым жизнью вопросам. Марксистский социализм, в сущности, растаял окончательно, — можно сказать, что второго интернационала уже не существует, а коммунизм теряет свои позиции со дня на день, возвращенный Европой в Москву, уже далеко отброшенную от европейских дел. Потускнел и утратил весь былой авторитет и своеобразный интернационал Лиги Наций. Кончилась эпоха "прекрасных слов", скрывавших правду, под убаюкивающий звук которых творилась настойчивая подрывная работа. На смену прежним бессильным красноречивым идут люди действия, которым принадлежит будущее. Новые государства Средней и Восточной Евро-

пы отказались от "свобод" правоверного парламентаризма.

Процесс этот захватывает уже сейчас все страны. Уже сейчас может быть поздно, уже устарело говорить о противопоставлении тоталитарных государств и "великих демократий". Рождаются что то новое, какие то новые восприятия и в политике, и в морали, — старым, избитым формулам уже не верят, начинается серьезная, сознательная переоценка.

Она то в особенности и страшна прошедшим в полное смятение злым силам. Оказалось, что в результате великой прошлой войны они не только не овладели положением, а наоборот — прежние довоенные условия кажутся им теперь совсем хорошими и благоприятными. Можно ли действительно сравнивать нынешнюю Хитлеровскую Германию в смысле законной свободы революционной деятельности и борьбы с тем, что было там, до войны? Да ведь император Вильгельм со своей военной каской и с поднятыми вверх усами, со своими шумными, патетическими речами и симпатиями к феодальному юнкерству — это был либеральнейший конституционный монарх и чарующий патриархальный деятель, с которым возможны всякие компромиссы и соглашения, это был самый приемлемый человек по сравнению с нынешним непреклонным фюрером, поставившим Германию под суровый знак свастикки. А что уж говорить об Австрии, о милом старике Франц-Иосифе с его немного смешным этикетом, который тогда хотелось сокрушить! О, если б можно было вернуть это идиллическое прошлое, — стоило ли тогда так роптать на сословные предрассудки чо-

порной Вены. Если б только знать, чем это сменится!

Христианские культы — католичество в особенности — были по средневековой традиции помехой развитию деятельности злых сил. Это был нескрываемый враг, с которым издавна велась упорная борьба. Отделение церкви от государства, лишение духовенства всякой поддержки — таковы были акты мщения “светского” законодательства, руководимого “левыми”. В России, в Испании — мы видели расправу торжествующих коммунистов с религией и с церковью.

Но сейчас смятение и подлинный страх столь велики в среде всех этих воинствующих “левых”, что в церковных христианских организациях они всячески ищут себе союзников, указывая на общего врага — на фашизм, якобы, отвергающий религию. Римский папа, престиж которого в века его действительной силы и влияния всеми средствами старались пошатнуть, теперь опять окружается ореолом апостольской безгрешности, когда он выступает со словами осуждения веяниям нового спиритуализма. О, как смешны эти ни в Бога, ни в чорта неверующие господа, когда берутся защищать вековое христианство от его якобы новых гонителей!

В широких кругах населения много еще людей, можно сказать большинство, которые еще совсем не разбираются во всех этих, очень осложнившихся взаимоотношениях. Ходячие формулы и рутина мнений и слов очень устойчивы. В особенности в англо-саксонских странах, в далекой от европейских жизненных бурь Америке, простодушные рев-

нители свободы и честных добродетелей искренно готовы верить, что наступает в Европе эра какого то кровавого людоедства и безбожного язычества. Ведь не надо забывать, что девять десятых, если не больше, всех средств обработки общественного мнения мира находится в руках, если не прямых агентов, то попутчиков тех сил, что стремились захватить власть, определяя мировые судьбы.

Но непосредственно сейчас, в эти только что пережитые нами очень тревожные и опасные дни их игра в Европе сорвалась, и будем надеяться — уже в этой форме заново не удастся. До чего им хотелось, во что бы то ни стало, опять столкнуть между собою главные европейские народы, бросить всю человеческую и денежную мощь так называемых “демократий”, где в силу закона “свобод” им удалось закрепиться, на сокрушение возникших вдруг из готовившихся уже развалин, — страшных врагов, воссоздающих национальные права и святыни своих народов.

Игра сорвалась, потому что и в “демократиях” не завладели они еще всей полнотой власти. Ответственные политические руководители, вопреки толкавшим их силам, не увидели, не нашли в нынешних событиях достаточно оснований, чтобы вести на убой свои и соседние народы, действуя в угоду принципиальным разрушителям.

Вторая мировая война была на этот раз избегнута, — только необходимо, чтобы государственные взаимоотношения в Европе пошли сейчас новыми, освобожденными от злых влияний путями.

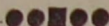
Но какое глубокое возмущение притаилось в этих проигравших нынешнюю крупную ставку кругах! Приходится им

делать вид, что и они довольны мирным исходом, — слишком уж очевидно общее удовлетворение, но заново начинается их упрямая кропотливая работа натравливания и разжигания. Настойчиво внушается мысль, что война только-только отсрочена, что придется еще пе-

ресмотреть вчерашние решения, пожалуй даже в них раскаяться.

К этим вопросам мы еще вернемся, попутно подойдя ближе к роли Москвы, к ее участию в событиях.

В. Оленин.

ТАМБИЙ ЕЛЕКХОТИ.

Чехи и германский мир

ЭТИМ летом мне пришлось побывать в далекой французской провинции, где, среди окружающих меня людей, по преимуществу французов, мне не раз задавались вопросы: "где находится Чехословакия?". Позднее, Чемберлен в своей памятной речи накануне Мюнхенской конференции сказал о Чехословакии, как о "неведомой для англичан стране". Но если здесь, в Западной Европе, имели (до сентябрьских событий) смутное представление о стране чехов, то уместно допустить, что о Чехословакии народы Кавказа знают, конечно, еще меньше. Полагаю, поэтому не лишним в очень кратком изложении дать соответствующую справку в связи с происшедшими на наших глазах событиями.

Еще трудно предсказать последствия, какие они окажут на судьбу центрально-европейских стран и всей Европы. Но уже и простому обывателю ясно, что последствия эти будут весьма значительны, может быть даже для судеб всего мира.

В Центральной Европе на протяже-

нии веков живет целый ряд славянских племен в окружении Германского мира. Среди них чехи были известны под именем Богемского королевства. В 1620 г. они были разгромлены, потеряли независимость и подпали под владычество Габсбургов. В течение двух веков немецкий язык среди чехов был языком не только официальным, но и языком науки и вообще языком всего культурного слоя чехов. Чешский язык сошел в ранг простонародного диалекта, на котором продолжала общаться еще часть чешского крестьянства. Но в 1819 году, после двух веков пребывания под властью Габсбургов, в одном из монастырей Богемии нашли будто бы рукопись с чешскими национальными песнями 13-го века, и это произвело настоящий переворот в умах многочисленных представителей тогдашней чешской интеллигенции. Знаменитый чешский патриот и историк той эпохи Палацкий, вдохновленный этими песнями, стал писать историю чешского народа, и с этого момента началось национальное пробуждение чехов. Необходимо заметить, что из

всех многонациональных государств до мировой войны национальная политика Габсбургов была наиболее либеральной, и этим там лучше всего воспользовались чехи.

Чехи не встречали препятствий ни к получению образования, ни к занятию государственных должностей, и вскоре заполнили собой как корпорации свободных профессий, так и всю разностороннюю администрацию Габсбургской монархии. После революции 1848 года чехи потребовали полного их уравнивания с немцами и моравами. Борьба эта помимо политических побед принесла чехам и достижения в социально-экономической области, выразившиеся в получении некоторых земель для чешских крестьян и широкой сети школ на чешском языке, не говоря уже о развитии чешской прессы. В результате этих завоеваний чехи располагали весьма значительной интеллигенцией.

С ростом культурного развития чехов, росли и их политические стремления. В то время, как другие славянские меньшинства Австрии ограничивали свои требования широкой автономией, чехи пошли значительно дальше. После 1819 года, осознав себя славянами, стали думать об объединении всего славянства, и таким образом, чехи являются родоначальниками, а сама Богемия колыбелью всем известного движения — панславизма.

Чешская революционная интеллигенция полагала, что славянские народы, значительно превосходящие количественно германские, призваны установить свою гегемонию, имея опору в большой славянской державе — России, но под водительством чехов, как наиболее куль-

турных из всех славян. Для реализации этой идеи чехи созвали в 1848 году конгресс из представителей всех славян в Праге. На конгрессе было 340 делегатов, из коих 237 были чехи. Россию представлял на конгрессе Бакунин. 2 июня упомянутый выше Палацкий открыл конгресс, своих работ однако не закончивший, вследствие вмешательства австрийских властей. Сформулированная чехами программа сводилась к двум основным пунктам фантастического значения: 1. Об'единение всего славянского мира и 2. Сокрушение германской расы. Этой идеологии чехи остались верны до самых сентябрьских событий.

Пламенными последователями этой политики были покойный президент Чехии Масарик и его заместитель Бенеш. Если внимательно проследить за внутренней и внешней политикой этих двух людей, будет видно, что политика Чехословакии была строго подчинена идее панславянства и руководству в нем чехов, с другой стороны — своим острием направлена исключительно против германской расы.

“Чехословацкое государство должно явиться в Центральной Европе естественным барьером против германского мира”. — Эти слова принадлежат не кому другому, как самому Масарику. Такое определение смысла создания Чехословацкой республики естественно встретило сочувствие среди творцов Версальского мира. При этом Масарик и Бенеш в Версале неоднократно приводили слова железного канцлера Бисмарка, будто бы сказавшего, что “тот, кто владеет Богемией, будет хозяином Европы”.

Масарику и Бенешу удалось навязать союзникам те границы Чехословацкой

республики, которые они считали шагом для осуществления их большой идеи. Таким образом язва, раз'едавшая австро-венгерскую монархию, а именно многонациональность, была сохранена и в новом государственном образовании чехов. Масарик и Бенеш, как пан-слависты и как чехи, которые должны руководить другими славянами, совершенно последовательно и естественно не могли допустить никаких автономий. Идея пан-славинства стремится не к ослаблению связи между славянами, а к их объединению, к централизации, вот что нужно иметь в виду при суждении о деятельности этих людей. Движимые идеями пан-славизма, а с другой стороны — в целях создания барьера и ударного кулака против германского мира они так энергично противились автономному устройству страны, и в этом заключается причина чешской драмы.

Повидимому, вследствие совершенной неосведомленности в настроениях этнических групп бывшей Австрии, союзные державы по уговорам Масарика и Бенеша легко присоединили к чехам немецкие земли, Силезию, словаков, венгров, русинов. Кроме этого чехам предоставили право постройки коммерческой жел. дор. к Балканам и к морю, нейтральную зону для провоза товаров на Гамбург и Триест, для чехов же державы нейтрализовали навигацию по чисто немецкой реке Эльбе и предоставили право постройки дороги к Адриатическому морю.

Подписав такой мирный договор о создании Чехословацкой республики в указанных границах, союзные державы все таки безпокоились, как бы новая республика не сделалась очагом национальных распрей и потребовали от Ма-

сарика и Бенеша гарантий уважения прав национальных меньшинств, каковое обязательство они державам дали, подписав на этот счет особый договор с державами 10 сентября 1919 г. Масарику и Бенешу удалось убедить державы, что не говоря о других меньшинствах даже судетские немцы, по соображениям экономического порядка, не хотят рвать с чехами. Таковое их утверждение исторически не подтверждается.

В III томе географии Элизе Реклю (издание 1878 г.) мы читаем следующие строки, опровергающие Бенеша и Масарика: **“Немецкая часть Австрийской империи ни о чем не мечтает, как о воссоединении с Германией. Она морально с ней связана и теперь. Вена прежде всего — немецкая. Она охотно согласилась бы быть второй столицей Германской империи”** (стр. 452-453). Как видит читатель, идея аншлусса оказывается очень давней. На стр. 454 тот же автор продолжает:

“Если бы когда либо славянской партии удалось разрушить Австро-Венгерскую империю, немцы, как национальная партия, быстро утешились бы: опираясь на великую Германию, с которой их связывает общий язык и общий патриотизм”... Читая эти строки поражаешься, каким пророком оказался этот выдающийся ученый, оставивший нам замечательную географию всего мира.

Еще с большей пророческой прозорливостью он в 1878 г. предсказал то, что случилось между 1-10 сего октября, а именно присоединение судетской области.

“Разве не ясно, что австрийские немцы, вливаясь в большую Германию, приносят с собой счастливое для немцев со-

бытие, а именно ключи Богемии, естественной крепости и стратегического центра, для всей Европы (стр. 455).

Эти предостережения Элизе Реклю делал чешским панславистам, слишком увлекавшимся борьбой против германского колосса, и это происходило не сегодня, а в 1878 г. Среди самих чехов были колеблющиеся в этой политике. Это знаменитый Палацкий, о котором мы выше упоминали, сказал в 1848 г., что "если бы в Европе не было Австрийской империи, ее нужно было бы придумать и создать для спокойствия Европы".

Оказалось, что люди середины 19 века были куда дальновиднее, чем Масарик, Бенеш, а вместе с ними и творцы новой послевоенной Европы. Да и сама жизнь жестоко расправилась со всеми этими договорами, растоптав их один за другим: Версальский, Севрский, Сен-Жерменский, Трианонский и др.

Таким образом, мы видим, что совершенно не соответствует действительности утверждение некоторых органов печати, будто бы пропаганда среди судетов питалась из Германии. Она существовала издавна. Конрады Генлейны наследуют один другому издавна, как о том нам повествует Элизе Реклю.

Чехословакия не сумела создать условий мирного сожительства со своими меньшинствами. Борьба судетских немцев, венгров, словаков, русин и др. с центральным правительством никогда не прекращалась. Особенно обидным было для Праги то, что словаки мало внимания уделяли призывам к панславянскому братству, образованию общего очага с чехами они противились еще до создания Чехословацкой республики. Обстоятель-

ство это побудило Масарика поехать в Америку, чтобы договориться с находившимся там Словацким комитетом. В конце концов ему удалось подписать в Питтсбурге соглашение со словаками в 1918 году, гарантировав словакам полную автономию. Но позднее Масарик отказался его признавать. По поводу этого соглашения много писалось в разных органах мировой печати, и Масарик вынужден был заговорить о Питтсбургском соглашении в своих мемуарах. Вот что он пишет: "30 июля 1918 года я подписал в Питтсбурге соглашение, между делегатами словаков и чехами в Америке. Чтобы удовлетворить ребяческим претензиям словаков, заключавшимся в автономии, собственной администрации, парламенте, трибуналах, школах и т. д., я не колеблясь подписал от имени чехов. Это никого ни к чему не обязывающий документ, так как кроме двух словаков, остальные словаки были уже натурализованные американцы, да и соглашение было подписано в неприсутственный день, что по американским законам лишает этот документ всякой силы"... Эта политика проводилась по существу в отношении всех меньшинств. Чехословакия была централизованной республикой, где такие признанные вожди меньшинств как аббат Глинка не раз сажались в тюрьму.

Политику пражского правительства можно было бы оправдать тем обстоятельством, что славянские меньшинства были все значительно более отсталыми в культурном отношении, и может быть, по мнению Праги, они не созрели еще для автономии, — сказать этого, однако, никак нельзя о судетских немцах. Да и само чешское правительство никогда

такого оправдания своей централистской политике не давало. Так или иначе, но в ответ на дезавуирование Масариком Питтсбургского соглашения словаки 9 января 1920 года заключили договор с Венгрией, по которому последняя безоговорочно признала полную автономию Словакии, если бы последняя вернулась в лоно Венгрии.

Что касается судетских немцев, то они еще 12 ноября 1918 года, т. е. до Гитлера и Генлейна, в лице своих депутатов категорически высказались за присоединение их к Германии. Был момент, когда они даже создали свое местное правительство в Рейхенберге. Это правительство было разогнано чешскими войсками, при чем дело это не обошлось без кровопролития.

Скажем теперь несколько слов о внешней политике Чехословакии.

В своей замечательной книге "Ле Гепье де л'Эроп сантраль" Луи де Вьенн, бывший много лет французским посланником в разных столицах Центральной Европы, говорит: "Все зло не в том, что Чехословакия была неудачно создана, а вся Центральная Европа в корне испорчена, имея в основе все семена раздоров. И не Балканы, а именно Центральная часть явится пылающим вулканом в сердце Европы, которая обезпечит здесь гегемонию Германии... Не мало потребовалось бы времени, чтобы установить гармонию между демократической Прагой, аристократическим Бухарестом и автократическим Белградом. При таком положении вещей государственные люди этих стран нуждались в сильном и талантливом руководстве, авторитетном своей многовековой исто-

рией. Само собой разумеется, в этой роли должна была бы быть дружественная им Франция"... (стр. 76-77) — так характеризует положение бывший французский дипломат. Мы видим перед собой другого человека, который, правда, в 1936 году, но предсказал события сегодняшнего дня. Как раз с 1936 г. Франция начала переживать внутренний кризис, вследствие пропаганды III интернационала и прихода к власти так наз. народного фронта. Луи де Вьенн в 1936 г. предвидел, что Германия займет в Центральной Европе положение полновластного гегемона.

В самом деле, самым большим достижением Бенеша считается пакт Малой Антанты, в составе Чехословакии, Югославии и Румынии, но как правильно указывает Луи де Вьенн, трудно было допустить даже самую мысль о сердечном их согласии между собой. Тем не менее многие государственные люди готовы были видеть в Малой Антанте чуть ли ни шаг к федерации Дунайских стран. На самом деле, как мы увидим, ни по одному вопросу международного значения у членов Антанты не было никакого единомыслия. А проблемы были большие: русская, польская, итальянская, германская. Отношения членов Антанты к этим проблемам были таковы, что Бенеш слетал в Москву и заключил военный союз с Москвой, а Румыния — другой член Антанты — постоянно находится, как под домокловым мечом, под угрозой большевицкого нашествия, — что же касается Сербии, то она вовсе отказывается и до сих пор вступить в какие либо сношения с Советами. По отношению к Италии Бенеш заявлял, что он не италофоб, но Румыния, наоборот, манифе-

стировала свое италофильство, а Белград под шумок помышлял о настоящем политическом сближении с Италией. По отношению же своих непосредственных соседей, ее окружающих, Чехословакия заняла явно враждебную позицию, и все ею заключенные соглашения и договоры своим острием были направлены против этих соседей. Что касается Польши, то с нею, хотя формально и существовали дипломатические отношения, но фактически они с 1920 года находились на точке замерзания.

Верные идеям панславизма Масарик и Бенеш почти со дня образования Чехословакии стали выявлять особые симпатии к советской России. Это было вполне последовательно при их умонастроении. Россия, будь она белая или красная, станет, конечно, вести русскую политику.

Исходя из этого положения, когда в 1920 году советская армия подошла уже к самой Варшаве, и Франция, связанная союзом с Польшей, обратилась к чехословацкому правительству с просьбой пропустить французскую помощь для Польши, Масарик и Бенеш наотрез от-

казались. Как известно ген. Вейган проехал в Польшу один. Мало этого, чехи воспользовались польско-советской войной и попросту заняли Тешен и его район с польским населением, а позднее заключили союз с Советами. Само собой разумеется, что при такой политике Чехословакия в тяжелый момент не могла рассчитывать на сочувствие какого либо соседа. Народная мудрость говорит, что если нам не дано неприятного соседа заменить другим, надо уметь с ним ладить и даже сотрудничать, — (алла-верды к тем из наших кавказцев, которые и нас зовут бряцать оружием на все стороны).

Объективность требует признать, что в этих разногласиях Центральной Европы значительная вина и падает на чешскую дипломатию.

Луи де Вьенн говорит, что, потерявшие всякий разум, дунайские народы будут приведены к общему знаменателю Германией (стр. 98). "Судьба Центральной Европы находится в иностранных руках. Она меньше зависит от государств ее составляющих, судьба их зависит от тех, кто их непосредственно окружает"... (стр. 993). Тамбий Елекхоти.

ВИКИНГ.

„Военная мощь“ Москвы

НАКОНЕЦ-ТО мы имеем официальное заявление представителя великой европейской державы, а именно одного из министров Великобритании лорда Винтертона по поводу военной неподготовленности и слабости Советской Москвы. До сих пор, несмотря на многие несомненные признаки этого, во-

прос как то замалчивался, а в широких кругах все еще распространено было внушенное лживой пропагандой мнение, что Россия создала величайшую в мире армию, образцово вооруженную. Специалисты уже давно, конечно, не разделяют мнения о действительной боевой

мощи России, но с их заключениями знакомы немногие.

А вот теперь официальный представитель Англии, член правительства, выступил со своей неожиданной декларацией. Даже не принято обыкновенно с такой откровенностью порочить военные силы другого государства, в отношении которого общая политика, как в данном случае, не представляется враждебной.

Но лорд Винтертон прямо заявил, в произнесенной им речи, что Москва не сделала Чехословакии никакого формального предложения военной помощи, да и не могла этого сделать, вследствие своей военной слабости. Очень неудачно выступил с опровержением советский полпред в Лондоне Майский, указав, что Литвинов уже давно предлагал передать весь чешский вопрос в Лигу Наций, предлагал также созвать конференцию великих европейских держав, — и таким образом Москва готова была участвовать в совместном оказании помощи чехам. Опровержение явно нелепое, ибо английский министр говорил, разумеется, не о Женевской процедуре.

Но лорд Винтертон, с обычной британской невозмутимостью, ответил Майскому, на этот раз еще уточнив свои доводы. Он сказал, что "Россия не могла послать армию в Чехословакию, так как для этого нужно было пройти через Польшу, на что она не решалась, а главное — советское правительство за последнее время расстреляло и посадило в тюрьмы такое количество русских генералов, что сейчас боеспособность русской армии чрезвычайно понижена".

Весьма знаменательное заявление, исходящее от официального представите-

ля Англии, где вообще не принято говорить таким откровенным и ясным языком. Это свидетельствует, что с Москвою уже не очень церемонятся в Европе, и что военная ее мощь расценивается, как величина ничего не значущая, равная нулю! Так оно и было понято всюду.

Нам отрадно отметить приведенный факт, потому что "Кавказ" был один из печатных органов, всегда логически утверждавших, что реклама военной силы Советов есть сплошной обман для приобретения союзников. В те недавние годы, когда во Франции было столько влиятельных сторонников такого союза, мы с полным убеждением доказывали, что Москва обманывает, вводит в заблуждение ради собственной выгоды, и что вся тяжесть военного выступления, если бы таковое понадобилось, целиком ляжет на Францию. Тогда нам не верили, даже косились на такую нашу позицию, считали наше мнение предвзятым, — теперь его уже разделяют почти все, во всяком случае — все мало-мальски осведомленные.

Параллельно с выступлением лорда Винтертона интересно и важно тут же привести и отметить недавно обошедшее все газеты заключение Линдберга по поводу советской авиации. Как известно, знаменитый летчик был в конце лета в Москве, в качестве знатного и почетного гостя, перед которым всячески хотели блеснуть авиационными достижениями Москвы, столь настойчиво рекламируемыми. Были уже сообщения во многих газетах, к большевикам очень снисходительных, что Линдберг поражен успехами их авиации, имея в виду поэтому установить постоянные рейсы в Америку

через полюс. Сведения эти оказались совершенным вздором и намеренной выдумкой. Опытного летчика нельзя было надуть показанными ему приемами воздушной акробатики, и заключение Линдберга оказалось совершенно другим. В печать уже проникли теперь новые сообщения, что на приеме у лэди Астор в Лондоне Линдберг заявил как раз наоборот: воздушный флот большевиков находится в самом хаотическом состоянии, и совершенно неспособен играть какую-либо политическую роль и конкурировать с флотами других европейских держав, — в частности он неизмеримо хуже и слабее, во всех отношениях, германского, который является первым в мире.

В ответ на это сообщение выступили советские летчики в составе главных своих представителей — Чкалова, Громова, Малакова, Кокинаки и друг. — с ругательным письмом по адресу Линдберга, которое было напечатано в "Правде". Прежде всего они стараются на словах дискредитировать знаменитого авиатора, указывая, что он не представляет ровно ничего, как пилот. Оценка была совсем другая во время его пребывания в Москве, когда хотели завоевать его мнение. Но имя Линдберга говорит само за себя, и сообщение его по существу осталось неопровергнутым, хотя возмущенные авторы письма и называют его "клеветой" и "глупой ложью", осыпая самого американского авиатора бранью.

Таким образом и в той самой области, где советская военная подготовка считалась наиболее успешной и всячески рекламировалась сочувственной печатью, мы имеем исключительно компетентное мнение, что она пребывает в полном хаосе и никакой действительной

силы по сравнению с авиацией других стран не представляет.

Такова и в области воздухоплавания "военная мощь" Москвы.

Нам уже приходилось не раз указывать, что советская власть отнюдь не может положиться и на личный состав своей армии — и высший, и низший. Опытных начальников из строя выбили, а солдатские кадры представляют собою сброд в лучшем случае равнодушных к своей задаче людей, а в большинстве даже враждебных, что, конечно, в первую очередь относится к многочисленному не-русскому элементу, наиболее сознательному.

Кроме того совершенно ясно, что Сталин боится самых условий мобилизации и не терпит популярных в армии вождей. Теперь очередное гонение постигло маршала Блюхера, которого до сих пор прославляли, как опору и надежду всей дальневосточной обороны. Стоит кому-нибудь выдвинуться, как его ликвидируют. Сейчас, повидимому, идет уже борьба и с самим Ворошиловым, которого Сталин всячески стремится отодвинуть на второй план. "Кавказ" уже неоднократно указывал, что дальнейшее взаимное "поедание" советских сановников неизбежно.

Сталин всячески избегает военной обстановки, и потому, разумеется, ни о какой военной мощи и военной роли Москвы сейчас не может быть и речи. В этом году не было даже маневров, ни больших, ни малых, а ведь как их рекламировали в дружественных газетах всего мира. Но теперь, когда события требуют уже не слов, а действий, правда выясняется, и нам больше не приходится ее доказывать, а лишь на нее указывать.

Викинг.

ТБИЛИСЕЛИ.

Советская руссификация

ТЕПЕРЬ, когда в Европе так остро поставлен вопрос о национальном самоопределении, когда каждая народность стремится к национальному закруглению своей территории, к освобождению от чужеродной власти, интересно отметить тот обратный процесс, который происходит в Советской России. Те зачатки развивавшейся национальной жизни, которые на первых порах допускались в отдельных республиках Советского Союза, в настоящее время решительно отвергаются и даже преследуются как враждебные центральной власти акты и настроения, отмеченные страшной печатью “буржуазного национализма”, за который людей расстреливают или ссылают.

Сейчас московская власть решительно взялась за искоренение былых вольностей, бывшего попустительства развитию самостоятельной национальной жизни отдельных республик, в сущности лишь номинально составляющих ныне “Советский Союз”, а на самом деле насильственно порабощенных и “приводимых к одному знаменателю”.

Руссификация идет теперь открыто, на местах власть передана покорным центру людям, выполняющим безропотно все приказания Москвы, которая декретирует без всяких стеснений политику нового централизма, как очередную государственную задачу.

Официальные московские газеты и нынешней весной и нынешним летом от-

мечают и комментируют новые мероприятия в ряде раз’ясняющих и дающих тон статей. “Правда” и “Известия” изо дня в день возвращаются к теме необходимого объединения на почве признания недопускающих спора прерогатив и привилегий русской культуры, русского языка, русской истории, — всех этих благ, дарованных коренным населением, создателем великого пролетарского государства.

С латинским алфавитом кончено. Подвластные Москве “союзные” республики обязаны переходить на так называемую “кириллицу” т. е. на русские буквы при начертании своей национальной грамоты. Еще в апреле месяце “Правда”, касаясь этой реформы в Крымской республике, объясняла, что введение латинского алфавита для татарского языка было произведено “буржуазными националистами”, чтобы нарочно оторвать татар от государственного единства с русским населением, так как латинский алфавит не отражает всех особенностей татарского языка и не передает его фонетики. “Правда” заявляет что это будет “праздник культуры” для крымских татар, когда письменность их перейдет на “кириллицу”, и что этой благотворной реформы с нетерпением ждут татары.

В ряде передовых статей нынешним летом “Правда” комментирует обязательное преподавание русского языка во всех нерусских школах по всей террито-

рии Советского Союза. По ее словам, “враги народа, буржуазно - националистические агенты фашизма стремились всеми средствами помешать изучению русского языка в национальных республиках, — по соглашению с троцкистско-бухаринскими изменниками и шпионами они пытались превратить великий Советский Союз в группу разобщенных, чуждых друг другу клеточек, чтобы таким образом разорвать связь между ними, обессилить их и выдать на разграбление иностранному империализму”.

Русский язык, по мнению газеты, является “орудием государственного единства” (сметя прежние социальные устои, большевизм возвращается тут к давно нам знакомой стародавней обрусительной идеологии). И так как поголовное его знание всеми народами СССР является залогом государственной крепости, “русский язык должен стать достоянием каждого советского гражданина”. Но это, признает газета: “задача нелегкая, которая должна быть выполнена с подлинным большевизмским пылом, с увлечением и честно”. Далее газета грозит: “партийные и советские работники, не проявляющие достаточного усердия, должны помнить, что враги народа уже разгромлены, шпионские гнезда в наркомпросах и отделах народного образования уничтожены — их последыши подвергнутся той же участи”.

Это усердие, как отмечает та же “Правда” в одном из дальнейших номеров (от 27 июля), было проявлено на первой сессии Верховного Совета Белоруссии. От имени всех трудящихся депутаты внесли предложение изменить статью местной конституции о государственном языке. Теперь государственными

будут признаны оба языка: прежде всего — русский, общесоюзный, и затем уже местный, белорусский. Мотивировка предложения: “необходимо еще более тесное единение белорусского народа со своим старшим братом — великим народом русским”. Очевидно следующей стадией будет просто запрет изъясняться на языке младшего брата. “Почин белоруссов” должен, по мнению советских газет, найти отклик всюду. Пусть только попробуют не откликнуться!

Интересно сопоставить с этим то, что пишут “Известия” от 24 августа по поводу недавно одобренного учебника русской истории проф. Шестакова для средних учебных заведений. Как известно, это был единственно одобренный учебник из целого ряда представленных на конкурс, но и он уже оказался недостаточно патриотичным и не вполне отвечающим условиям данного момента. Тем не менее “Известия” подчеркивают, что новый учебник дает возможность новому поколению ознакомиться с плодотворной ролью таких государственных деятелей, как “собиратель земли русской” Иван Калита, как первый “государь всея Руси”, освободитель от монгольского ига Иван III, “освободители от засевших в Кремле поляков” Козьма Минин и князь Пожарский и т. п. Все эти лица были жертвами клеветы со стороны ныне безповоротно осужденной исторической школы Покровского.

Одновременно нынешним летом приступлено в Петербургском Эрмитаже к оборудованию “выставки побед русского оружия”. Представлены славные военные события за 200 лет — с начала 17-го века: победы кн. Дмитрия Пожарского, Петра Великого, Елисаветы Петровны (в

особенности подчеркиваются победы над пруссаками) Суворова, Потемкина, Румянцева и, наконец, Кутузова: великая Отечественная война 1812 г., “когда Россия победоносно отразила нашествие всей Европы”, — будут выставлены все отбитые у Наполеона трофеи. Словом, Ленинград прославляет государственные завоевания Романовых.

Таковы сейчас новые советские течения, у себя дома, в своих границах, которые признаются столь священными “демократами” всего мира. Но Советская Россия вообще находится под каким-то особым покровительством. Ей все позволено.

Тбилисели.

СУРХАИ.

Кавказ и державы в XIX в.

V*).

В ТЕЧЕНИЕ первых шести лет своего имамства в Чечне Шамиль неизменно одерживал над русскими одну победу за другой.

Первая попытка русских войск занять Дарго, резиденцию Шамиля, предпринятая в 1842 г., не удалась, так как горские войска нанесли отряду генерала Граббе решительное поражение в Ичкеринских лесах. 1843 г. также принес русским одни поражения. В 1844 г. сам Шамиль перешел в наступление и осаждал, хотя и без успеха, Темирхан-Шуру.

В 1845 г. назначается на Кавказ новый главнокомандующий — граф Воронцов. Новый наместник предпринял в том же году, по прямому приказу из Петербурга, второй поход на Дарго. Кампания, названная “сухарной экспедицией”, не только не достигла цели, но закончи-

лась потерей около двух третей русского отряда и позорным бегством.

Ген. Муса Кундухов в своих мемуарах пишет, что победа горцев была полная, и что если бы только не нерешительность Шамиля — сам Воронцов и бывший в его отряде наследный принц Александр Гессенский попали бы в плен.

Как бы то ни было, поражение это возвысило настолько влияние и значение Шамиля в горах, что он в 1846 г. старался, чтобы горцы признали его сына Казимохаммеда наследником имама. Решение это было встречено некоторыми наибами, как Даниэль султан Элисупский, Хаджи-Мурат, Ахверды-Магома и Кибит-Магома с большим неудовольствием, так как каждый из них сам мечтал наследовать власть имама.

После неудачного даргинского похода Воронцов стал действовать осторожнее. Одновременно начал он применять

*) См. “Кавказ” № 7.

тактику интриг, чтобы ослабить горцев внутри.

В следующем 1846 г. Шамиль во главе 10.000 отряда вторгся в Кабарду, надеясь установить отсюда непосредственную связь с западными черкесами.

Пробившись до крепости Нальчик, защищавшейся только слабым гарнизоном, Шамиль, по словам того же Мусы Кундухова, проявил опять нерешительность, так как провел в бездействии около 10 дней, и этим дал русским подтянуть новые силы. Будучи окружен со всех сторон русскими войсками, Имам удачным маневром вырвался из кольца, благополучно переправился через Терек и невредимым возвратился в Чечню.

Муса Кундухов рассказывает, что поход в Кабарду вызвал неудовольствие наибов имамом. Ахверды Магома упрекал Шамиля: «Если мы будем бояться потери в людях, то нам надо оставить войну и покориться русским».

Неудачи и внутренние трения привели впоследствии к измене и переходу к русским сперва Хаджи-Мурата, а потом Даниэль-Султана Элисупского и Кибит-Магомы. За ними последовали затем и многие другие менее влиятельные представители Чечни и Дагестана.

Ослаблению сопротивления горцев способствовало, между прочим, и то, что граф (впоследствии князь) Воронцов (ушедший в отставку в 1855 г.) и его преемник кн. Барятинский старались всеми силами подкупать влиятельных людей и народ, наградами, чинами, орденами и разными обещаниями, а также умеренностью своего управления. К этому принуждали Россию события в Европе — революция в 1848 г. во Франции и Венгрии, а вслед затем и назревающий

конфликт с Турцией и ее западными союзниками — Англией и Францией, конфликт, который закончился Крымской войной.

Что же делается в это время в Черкесии — на Западном Кавказе?

После своего неудачного похода в Кабарду Шамиль не оставлял, однако, надежды теснее связаться с черкесами. Как мы уже указывали, первая его попытка в этом направлении относится к 1842 г., когда на Кубани появился Хаджи-Мухаммед, а по его смерти, Сулейман Эффенди, изменивший уже в 1846 г. и перешедший к русским.

Измена эта мало повлияла на ход военных действий в Черкесии, где в 1847 году в борьбе с Россией проявляют большую энергию Абадзехи, Шапсуги и Убухи.

В 1848 г. появляется на западном Кавказе третий представитель Шамиля, наиб Мухаммед Эмин, который не покидает своего поста в течение 12 лет и продолжает борьбу еще некоторое время после пленения в 1859 г. Шамиля.

В начале 1849 г. Мухаммед-Эмин находится уже во главе Абадзехов, а в следующем 1850 г. власть его распространяется и на убыхов, шапсугов и натухайцев. Больше всего поддержку находит он у духовенства, и простого народа, так как его политика, опиравшаяся на демократически религиозные принципы мюридизма, более всего отвечала интересам и настроениям широких кругов населения. Среди же дворянства, в особенности у шапсугов и натухайцев, встречает он некоторую оппозицию.

Мухаммед Эмин, желая закрепить свое влияние в Черкесии, осуществляет ряд административных и военных ре-

форм. Одновременно ведет он энергичную партизанскую войну с русскими, стремящимися к систематическому проникновению вглубь края, создавая последовательно цепь укрепленных пунктов. Одновременно русские власти ведут пропаганду против наиба, подкупают влиятельных людей, сеют рознь между черкесскими племенами.

Мухаммед-Эмин тем временем собирает силы, чтобы начать крупные действия. Однако, поражение, нанесенное ему русскими в мае 1851 г., подрывает его влияние среди части населения.

Наиб стремился также войти в 1851 году в контакт с Константинополем, с турецкими и иностранными посольствами, в особенности с английским. Такова именно была миссия доверенного лица наиба — некоего Юсуф-бея. Миссия окончилась неудачей, так как Высокая Порта и англичане поддерживали в то время Сефер-бея Зан, пользовавшегося большим влиянием среди черкесского дворянства и значением в турецких кругах. К тому же Сефер-бей проживал в Турции с 1830 г., т. е. больше 20 лет, и поддерживал постоянную связь с иностранными посольствами. Сефер-бей работал для себя и сам мечтал вернуться на родину и стать во главе черкесов, имея в виду создать для себя зависимое от Турции княжество. Не подлежит никакому сомнению, что Порта поощряла планы Сефер-бея, который явился, таким образом, естественным соперником наиба Мухаммед-Эмина. Это обстоятельство, как увидим далее, способствовало тому, что война против русских на Западном Кавказе велась слабо и нерешительно, даже во времена Крымской кам-

пании, когда именно имелись все шансы на успех.

Несмотря на неудачу своей попытки получить помощь из Стамбула Мухаммед-Эмин продолжал упорную борьбу, с одной стороны, с Россией, с другой — за укрепление своего влияния на Западном Кавказе. Власть его то ослабевала, то снова крепла, в зависимости от перипетий войны. Действительно, когда весной 1852 г. русские войска вторглись в области, населенные шапсугами и нутхайцами, и начали там безобразничать, эти племена призвали к себе наиба. Власть его признали в скором времени и джигеты.

Тем временем приближалась Крымская война. Слухи о ней проникли уже весной 1853 г. и на Кавказ. Все чаще приезжают из столицы турецкого султана лица, рассказывая о том, что Порта стремится поднять черкесов против русских и обещает горцам свою помощь.

Мухаммед Эмин высылает все чаще и чаще своих представителей в Стамбул. Обращается он одновременно и в Лондон, прося помощи. В сентябре 1853 г. он посылает письмо непосредственно королеве Виктории.

Тем временем на Западный Кавказ проникает слух о том, что Россия хочет выселить совершенно черкесов из их страны, и что русские войска должны в скором времени быть усилены.

Все эти обстоятельства благоприятствуют планам Мухаммед Эмина и помогают ему распространить власть на все черкесские племена, которые не только защищаются, но временами сами переходят в наступление.

(Продолжение следует).

Сурхай.

Репрессии в Турции

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ВЫСЫЛКИ

В турецкой правительственной газете "Ресми газета" от 24 сентября 1938 года опубликован следующий текст:

Вследствие обнаружения попытки сделать нашу страну базой для пропаганды, революционной и разведывательной организации, направленной против одной дружественной нам державы в пользу и за счет другого государства, по постановлению Совета Министров, на основании предложения министра внутр. дел, лишены турецкого подданства и высланы за пределы страны следующие лица:

Алихан Кантемир, Мемет Халил Гюргорен, железнодорожной эксплуатации начальник Мир Али, Аббасоглу Сефер, Мемет Тугай, бывший президент туркестанской республики Осман Коджа оглу, Кязим оглу Аббас и Осман Губе". Значатся подписи Ататюрка и всего состава Совета Министров.

Как видно из списка имен высланных, среди них есть лица совершенно не причастные к какой бы то ни было политической деятельности, ни в прошлом, ни в настоящем.

Декрет правительства был приведен полицейскими властями в исполнение с необыкновенной быстротой. После трехдневного ареста, дав некоторым, в виде особой милости, на сборы 2 часа, а не-

которым вовсе и того не позволив, приговоренные были отправлены в различные страны, — причем, нельзя не отметить весьма пикантную деталь: на станции Сиркеджи при отходе поезда, с которым отъезжали высылаемые, был замечен на пероне советский консул в Стамбуле в сопровождении двух чекистов, видимо, наблюдавших за точностью исполнения декрета в пользу "дружественной державы".

Есть еще одна деталь, характеризующая чрезвычайную спешность и ненормальность обстановки, в которой составлялся список: среди высылаемых, между прочим, оказался лишенным турецкого подданства один мирный коммерсант, иранский подданный, Аббас оглы Сафер, который никогда не претендовал быть турецким подданным и которого, следовательно, нельзя было лишить того, чего он и не имел.

Не будет преувеличением, если заметим, что на этом несправедливом декрете, кстати сказать, жестоко огорчающем кавказскую и туркестанскую эмиграцию, в сильной мере отразилась тревога момента, охватившая накануне решения Судетского вопроса не только Центральную Европу, но и соседние страны, в особенности "дружественную" Турции державу, перед которой Турция проявляет ничем неоправдываемую слабость.

СУД НАД РЕДАКТОРОМ "КАФДАГЫ" Ф. ДАРЬЯЛОМ.

В середине сентября по постановлению Совета Министров Турции, привлечен был к судебной ответственности молодой азербайджанский журналист Ф. Дарьял за повторное издание сборника статей о Кавказе под названием "Кафдагы".

Всякий читавший эти сборники мог видеть, что все статьи, помещенные в нем, как взятые из журнала "Кавказ", так и оригинальные, имеют целью служить Кавказской независимости в аспекте самой тесной дружбы в будущем с Турцией, и следовательно — ничего одиозного для последней содержать не могли.

Тем не менее, турецкий суд, по неизвестной нам причине, счел нужным привлечь к ответственности Ф. Дарьяла, и в стамбульском уголовном суде уже имели место два заседания, посвященных разбору этого дела.

Против всяких ожиданий для суда, процесс принял форму расследования и дебатов вокруг Кавказской проблемы.

Волнение и движение, замеченное в зале суда среди многочисленной публики, свидетельствует о том, что какова бы ни была резолюция суда по сему вопросу, морально симпатии и чувства справедливости турецкого народа сказываются в пользу братского угнетенного Кавказа.

Положение турецкого суда в данном вопросе надо признать столь же неприятным и щекотливым, как положение тех, которые, вопреки разуму и стихии,

пренебрегали правом народов на самоопределение.

Небезынтересно привести здесь некоторую часть из защитительной речи Ф. Дарьяла, сказавшего, между прочим, следующее:

"Эта книга издана в защиту независимости и свободы народа, в большинстве тюркского происхождения, изнывающего больше 18 лет под ярмом безправия и ужасающего, истребительного террора. Господа судьи, Вы называете это преступлением? В таком случае все работавшие в пользу освобождения своей нации совершили это преступление, и среди них, первым нужно назвать Ата-тюрка, который освобождая турецкую нацию совершил тоже самое. Это священное преступление, которое мы будем и впредь совершать, покуда не достигнем нашей национальной цели. Моя совесть чиста, но должен Вам заявить, что в данном случае Вы поставлены в тяжелое моральное положение. Совет Министров в целях политической дружбы, может быть, вынужден координировать свои действия с московскими правителями, не взирая на то, что под их властью страдают миллионы людей, но как сможете Вы, турецкие судьи, обвинить патриота, борющегося за права многомиллионной тюркской массы".

Решение суда отложено для собирания дополнительных сведений.

Обзор печати

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ ГЕРМАНИИ.

Вернувшийся из четырехнедельной поездки в Болгарию, Турцию и Сербию, министр национальной экономики Германии д-р Функ, дал "Берлинской Двенадцатичасовой Газете" весьма интересное интервью, которое мы и воспроизводим в существенной его части.

Югославия, Болгария и Турция, связанные друг с другом политической дружбой, образуют нечто в роде балканской оси, которая простирается от немецкой границы до Черного моря. Это обстоятельство, — говорит д-р Функт, — дало мне возможность обсудить экономические проекты весьма широкого размаха касающиеся этих трех стран. Например: проекты постройки дорог и прокладки телефонных кабелей. Эти три государства располагают натуральными богатствами, в частности железной рудой, которые еще не эксплуатируются. Они интенсифицируют свою земледельческую продукцию, в которой Германия особенно заинтересована...

Германия имеет в виду открыть этим странам долгосрочные коммерческие кредиты и заключить с ними торговые конвенции, сроком на много лет, для того, чтобы дать продуктам этих стран доступ в Германию в определенном количестве и по твердым ценам...

Благодаря значению Дуная для Юго-Востока Европы создалась новая самодовлеющая экономическая зона, идущая

от Северного моря до Черного. Юго-Восточная Европа и Малая Азия владеют или производят почти все то, в чем нуждается Германия. Ни одна страна не покупает продуктов Юго-Востока Европы в таком количестве, как Германия. Мы покупаем в два раза больше чем Англия, Франция и Соед. Штаты вместе взятые. Благодаря присоединению страны судетских немцев доля участия Рейха в торговом обороте Юго-Востока Европы еще более возрастет...

Коснувшись открытого Германией Турции кредита в 150 миллионов марок, министр подтвердил, что этот кредит будет использован на постройку военного порта в Турции и на другие большие промышленные сооружения. Турция дает Германии заказы на жел. дор. материал, на мосты и на разные машины.

Заканчивая беседу д-р Функ заявил, что он вынес из своего путешествия убеждение, что личные контакты будут способствовать еще большему упрочению экономических связей, существующих между этими странами и Германией.

"В этих именно целях, закончил министр, я пригласил министров торговли Югославии, Болгарии и Турции посетить Берлин. Все три приглашения были приняты с удовольствием".

АРМЯНСКИЕ НАСТРОЕНИЯ.

ТРЕЗВЫЙ ГОЛОС.

Наконец-то, в хоре, довольно нескладном, сумбурных армянских настроений раздался трезвый голос, прав-

дивый и искренний. Принадлежит он печатному органу "Нор Ор", издающемуся в Афинах.

Нынешним летом в передовой статье "Армянский народ не имеет политической линии" за подписью А. К. в № 4527, от 31 июля, говорится там следующее:

В органе об'единения кавказских эмигрантов «Кавказе» политический деятель Гайдар Баммат посвятил длинную статью освобождению Кавказа от большевицкого ига и об отношении армян к этому освобождению.

Гайдар Баммат в своей статье уделил много места мнениям, высказанным по этому вопросу печатными органами дашнакцаканов и рамкаваров.

Мусульманский деятель, как видно из его статьи, очень близко следил за армянской прессой и за исказаниями армянской политической мысли; он знаком с нашими внутренними ссорами и разногласиями и знает также, что у нас, у армян, нет единого фронта даже в нашей внешней политике.

Это обстоятельство достойно подтверждения, ибо мы всегда только играли в политику, не зная и не считая тех сил, которые находятся в сфере нашей политики.

Наши политические деятели и публицисты и по сей день имеют поверхностное понятие об истории кавказских народов, об их национальном духе в настоящее время и об их недостатках, достоинствах и значении.

Если знаешь хорошо друга или врага, то от этого будет больше пользы тебе, чем вреда, — говорит народная пословица.

Мы же не знаем ни нашего друга, ни нашего врага. И даже не пытаемся узнать после стольких испытаний и бедствий.

Нами управляют и руководят чувства, предрассудки и очень часто неправильно истолкованные исторические события.

Например, нельзя убедить рамкаваров в том, что Россия — царская ли она или советская — в последние столетия всегда обманывала армян и сделала их оружием в

своих руках. Руссофильская ориентация рамкаваров зиждется на том вздорном убеждении, что под русской властью обезпечено физическое существование армян: нерадостная психология подвергнувшегося избиению народа, думающего прежде всего о физическом существовании! То же самое можно сказать и об армянском народе в отношении к Турции. Дашнакцутюн, и с ним вместе весь армянский народ, считает турок погромщиками, зверями, варварами, неспособными к цивилизации, отсталыми и обреченными.

С таким умонастроением мы не можем подготовить почву для разрешения армянского вопроса.

Сотни лет армянский народ жил вместе с русскими и с турками, видел хорошие и плохие дни, знавал периоды взлетов и падений, но остался в неведении насчет политических программ этих двух великих держав и не смог отождествлять или примирить свои интересы с интересами одной и другой из них или обеих вместе.

Сейчас армянский народ, на родине и в зарубежье, является и русофобом и туркофобом. Имеет тягбу как с русскими, так и с турками. Ведет борьбу против тех и других.

Это значит, что мы сами поставили армянский вопрос в тупик, сделали невозможным его разрешение.

Единственной причиной этого является то, что мы совершенно не знаем, как окружающих нас больших и малых народов, так и наших моральных и физических сил.

Не зная русских, одна часть нашего народа в последние сотни лет была охвачена руссофильскими настроениями, и не зная турок, весь армянский народ держался и до сих пор держится антитуркского направления.

Вот причины нашей трагедии.

Очень скромны и наши сведения о кавказских наших соседях, несмотря на то, что в продолжение целых столетий жили мы с ними совместно, были почти слиты в единой массе, взаимно испытывали полезное влияние национальных культур и выра-

батывали совместно программы для будущего.

Кавказские народы: грузины, татары и дагестанцы подготовлены больше нас и стоят на правильном пути в деле разрешения своего национального вопроса, преследуя единое политическое направление.

Зарубежные политические деятели вышеупомянутых народов несколько лет тому назад организовали кавказское объединение, целью которого является освобождение и независимость Кавказа. Они же пытались неоднократно привлечь армян в это объединение в качестве равноправного члена.

Главное и существенное в том, какую ценность представляет из себя это объединение и насколько осуществимы его цели. Насчет этого могут быть разные мнения, но не считается с фактом существования объединения или подходить к нему с предрассудками и с предвзятыми мнениями нельзя.

Надо всегда иметь в виду, что русские и турки в конце концов уйдут окончательно с Кавказа, и кавказские народы останутся сами по себе, свободные и независимые.

Так разве не следует теперь же познать наших соседей, поговорить с ними, устранить недоразумения, взаимным сотрудничеством подготовить почву для мирного сосуществования и создать атмосферу добрососедства и дружбы?

Печать рамкаваров решительно отвергает какое бы то ни было соглашение с кавказскими народами. Партия рамкаваров также против турок. Армянский народ и против русских, и против турок.

Мы спрашиваем: какова твоя политическая линия, армянский народ? До каких же пор это топтание на месте, до каких же пор эта неопределенность в политике?

Интересно отметить, что эта правдивая оценка политической позиции армян появилась в органе, который причисляет себя к партии «Дашнакцутюн».

Но какой шум поднялся из-за этой статьи! Парижская газета «Арач» (тоже дашнакцаканская) буквально стала преследовать «по пятам» афинское издание

за напечатание вышеизложенного. В длинном ряде полемических статей газета «Арач» последовательно оспаривает в резком тоне каждую строчку, каждое слово этой «удивительной», как она называется, передовой, появившейся в «Нор-Ор».

Приводим некоторые выдержки из этой полемики. «Арач» даже отрицает право инкриминируемой статьи считаться редакционной.

В действительности она не передовая статья, ибо опубликована за личной подписью товарища редактора...

Но кто же тогда вправе писать ответственные передовые, если не сам редактор, ибо в данном случае слово «товарищ» надо понимать в смысле социально - большевицком, почему то усвоенном армянами.

Прежде всего «Арач» возмущается упреком в недостаточной осведомленности (№ 3801 от 6 августа):

...Кавказский вопрос все время дебатруется в армянском обществе, в печати, в книгах, на собраниях, и думаем, что последний публицист и деятель знают достаточно — если не больше — о кавказской истории и о современных событиях.

В частности партией «Дашнакцутюн» собраны и собираются горы материалов посредством всевозможных исследований, изысканий и свиданий. Кто виноват, что и после этого многие относятся к этому вопросу поверхностно, чтобы потом прийти к решениям также поверхностным!

В частности, начиная с 1921-22 г.г., не осталось нераскрытой книги в этом отношении, по крайней мере для нас, дашнакцаканов...

Далее «Арач» приводит из текста статьи:

Товарищ редактор продолжает:

«Сотни лет армянский народ жил вместе с русскими и с турками, видел хорошие и плохие дни, знал периоды взлетов и падений, но остался в неведении насчет политических программ этих двух великих держав и не смог отождествить и примирить свои интересы с интересами одной или другой из них или обеих вместе (подчеркнуто нами. — «Арач»).

Второе и более глубокое недоразумение. Пришлось бы идти слишком далеко, чтобы ответить на вопрос: на самом ли деле нам были неизвестны политические программы этих двух держав? За нами, по крайней мере, пятидесятилетняя история, которую надо читать и выучить, чтобы найти ответ на этот вопрос...

...И разве не доказанный факт, что как Россия, так и Турция ни во что не ставили нашу верность и наше сотрудничество, первая — начиная с 1820 г., а вторая — еще раньше и вплоть до переворота младотурок?...

Верно, что мы находимся в безвыходном положении. Но из констатирования этого факта сделать заключение, что «мы сами» создали для нас безвыходное положение, сами «сделали невозможным» разрешение армянского вопроса, это означает ни что иное, как требование: найти общий язык с русскими или с турками.

Оно, конечно, не трудно, но при одном условии: если будет полная с нашей стороны наглупость. Если наш афинский собрат может указать иной выход, он обязан это сделать либо публично, либо адресуя, кому следует...

В следующей передовой от 7 августа, под заглавием «Наивности», «Арач» говорит:

Взглянем еще раз на статью «Нор Ор» (31 июля): «Армянский народ не имеет политической линии».

Продолжая свои личные рассуждения, редактор пишет: «Не зная русских, одна часть нашего народа в последние сотни лет была охвачена руссофильскими настроениями и не зная турок, весь армянский народ

держался и до сих пор держится антитуркского направления».

Против первого пункта не возражаем, дабы не углубляться в теории академического характера. Достаточно сказать, что мы делаем с большим опозданием эту переоценку, на которую с некоторых пор настаивает в частности ряд товарищей из восточных армян (кавказских — Пер.).

Во всяком случае, неправильно было бы сказать, что турецкие армяне всегда были наивными руссофилами. Многочисленные издания и доклады говорят обратное.

Что же касается второго пункта, то жестоко ошибается редактор «Нор Ор», приписывая «антитуркское направление» всему армянскому народу.

Если большая разница между «антитуркским направлением» и желанием освободиться от турецкого кровавого ига. И если, в конце концов, единственным выходом стала непрерывная борьба против турецкой деспотии, то это случилось в результате позднего пробуждения в нас сознания и опыта. Иначе говоря, велась борьба за существование, что показывает в свою очередь, что мы действовали не то что «не зная турок», а больше чем достаточно зная их.

Начните с чего хотите, но заключение будет одно и то же.

Начиная с известного «Танзимата» (1839 г.) вплоть до вопроса об армянских угнетениях и до войны 1878 года и дальше до проекта реформ в 1895 году и до Младотурецкого переворота (1908), мы то и дело пытались приравниваться к туркам, «отождествить или примирить» наши интересы с их интересами и эту политику мы проводили, зная вместе с тем турок.

И после всего этого жаловаться, что армянский народ «держится до сих пор антитуркского направления», это значит сделать декларацию, истинный смысл которой нам недоступен.

...Прежде чем перейти к существу вопроса, считаем нужным сделать несколько разъяснений:

1) У кавказских эмигрантов есть не одно, а два объединения: «Прометей» и «Кавказ», оба туркофильские. Первое из них —

замаскированное, а второе — с открытым забралом. Есть еще две-три группировки и одна грузинская группа, точка зрения которой немножко приближается к нашей.

2) Нас держат в стороне от них не «предрассудки и предвзятые мнения», а голые факты. Они доказаны, подтверждены и подчеркнуты тысячу раз. (Посмотрите хотя бы партийные документы и издания).

3) Если они (кавказские народы) стоят «на правильном пути», то потому, что у них нет ни турко-армянского вопроса, ни вопроса о границах, ни миллионной эмиграции, ни миллиона жертв. А найденный ими «правильный путь» ведет к одному выходу: опираться на Турцию, поставив крест над всеми остальными.

Мы воспроизводим эти строки в порядке информации: они многое раскрывают в политических целях того течения, к которому принадлежит газета «Арачь», — она ясно дает понять, что у армян есть цели и вне Кавказа.

В номере от 9 августа опять передовая: «Размышления» — продолжение все той же полемики.

Тут отметим следующие тезисы:

Если некоторые явления оставляют впечатление, что «кавказские народы» оставлены сами по себе, свободными и независимыми, есть не меньше фактов, которые говорят совершенно другое. Например — русские (большевики) вернулись в 1920 г., когда только начали реорганизовываться, как сила политическая и военная: русские, не-большевики, как известно, также не отказывались никогда от Кавказа...

...«Редактор «Нор Ор» напрасно думает, что кавказские эмигранты «пытались неоднократно привлечь армян в кавказское объединение, в качестве равноправного члена».

Они пытались и по сей день пытаются сделать лишь одно: загнать и нас в западную кажущейся невинной программой независимости и конфедерации...

...Печальной памяти «Прометей», тянется за брюссельский пакт (без участия ар-

мян), а «Кавказ», знаете сами, что говорит по русски, по турецки, по французски и по английски...

Одно верно: будучи хорошо организованы, они растянули по всем странам широкую сеть и работают с упорной последовательностью, хотя и с немногочисленными силами. И везде, где они ни бывают, их встречают вопросом: где же армяне?...

Вот тут то мы и должны сделать невозможное, чтобы дать почувствовать и наше присутствие и нашу политику.

В этом и заключается основной смысл «единого национального фронта».

Газета, повидимому, намекает, что армяне необходимы, и только потому их и приглашают.

Но вот в № 3804 от 10 августа «Заключение» («Уф! наконец-то!»):

В наших размышлениях мы до сих пор сознательно не остановились на основном вопросе: независимая и целокупная Армения.

...Говоря специально о партии Дашнакцутюн, мы должны указать, что она никогда не игнорировала роль наших соседей в деле осуществления независимости и объединения Армении. Она никогда не имела гарантий, которые позволили бы ей верить, что можно добиться хотя бы в скромных рамках этой цели «взаимным сотрудничеством».

Наоборот, их (кавказских эмигрантов) путь, «единое политическое направление», прежде всего старается похоронить, слать в музей наши справедливые требования. «Дайте сперва организовать единый фронт, освободить Кавказ, создать конфедерацию, внушить доверие Турции, а потом будем говорить об этом».

Оставляя за собою свободу действий и настаивая на наших основных требованиях, мы этим как раз ведем политику, политику объединения родины и защиты существования нашего народа. Если эта политика не дает сегодня практических результатов, это уж другой вопрос. (Разве более счастливы

в этом отношении наши кавказские соседи со своей односторонней и однобокой политикой?).

Так что наивно думать, что мы можем улучшить свое положение или ускорить осуществление нашей основной задачи посредством уступок или приобретения «дружбы». Да и что осталось у нас, чтобы мы могли сделать новые уступки или променять нашу политику? Довольствоваться ли тем, что осталось, признавая за Армению то, что есть по ту сторону границ? Превратить ли просто на просто в кавказский вопрос Армянскую Проблему? (В армянском обществе есть и такие, которые так думают).

Сейчас, более чем когда либо, надо прямо смотреть на грубую действительность и не смешивать в одну кучу старые и новые факты, понятия «руссофил» или «туркофоб», которые нельзя определить одними только словами. Не нам оправдывать наивности и ошибки прошлого. Да, в продолжение целого столетия мы были не только руссофилами, но и англофилами, франкофилами, словом — «европофилами». И до сих пор есть у нас течения и люди, кото-

рые верят в такие иллюзии. Но можем ли мы повернуть колесо истории сразу, с той точки, куда мы дошли? Есть ли у нас основания сделать «поворот», взять более зрелый и практичный курс?

В своем заключении газета «Арач» сама приходит к выводу, что армяне, в сущности, на распутьи. Хорошо и это. Но плохо другое: упорное нежелание отказаться от широких требований и просто себя признать одним из народов Кавказа. Политику можно делать малым нациям лишь по соглашению с соседями, а не в расчете на внешние силы: наглядный пример у всех перед глазами — Чехословакия. К тому же армяне не должны забывать, что Россия отделена от них мусульманскими землями, да и дальше к северу идут области казаков, политические деятели которых, в огромном большинстве, уже отказались от великоросской имперской идеи.

ХРОНИКА

ВОССТАНИЕ В ТАДЖИКИСТАНЕ.

По сообщению из Тегерана, в Советском Туркестане, вблизи афганской границы, началось восстание мусульманских племен республики Таджикистана. Вооруженные пулеметами, мятежники заняли многие местности по линии Бек—Буди и объявили священную войну против Советов. Советские войска отступили на линию Бухара — Бек-Буди. Ими командует ген. Афанасенко, главнокомандующий Красной армией в центральной Азии.

АФГАНЦЫ НЕДОВОЛЬНЫ

ПОЛИТИКОЙ АНГЛИИ

Афганский офицер «Ислах» выражает большое недовольство политикой английских вла-

стей в Индии, которые, по словам газеты, поощряют антиправительственные заговоры афганца Саади Шами. Несмотря на многочисленные обращения афганского правительства, англичане, не только не наказали этого организатора восстаний, но дали ему возможность выехать из Индии безпрепятственно.

В этом поведении англичан, газета видит «ряд Лоуренсов, сидящих в засаде и готовящих удобный момент».

ИРАНО - СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Сокращение консульств.

По полученным нами сведениям, советское правительство, рассматривающее иностранные консульские учреждения как «очаги контр-ре-

волюции и шпионажа», на сей раз решило по этой причине свести число Иранских консульств на своей территории до минимума.

С апреля месяца последовательно один за другим упразднены следующие консульства Ирана: тифлисское генеральное консульство, существовавшее больше ста лет, батумское, эриванское, асхабадское, а также консульский агент в Нахичевани. Остается только одно консульство в Баку.

В ответ на это Иранское правительство предложило убрать Советам свои консульства из Решта, Мешеда, Тавриза, и сохранить лишь одно — в Шехлеви.

ВЫСЫЛКИ ИРАНСКИХ РАБОЧИХ.

Одновременно с закрытием Иранских консульств, в сов. России начались сильные репрессии против иранско подданных, в подавляющем большинстве — рабочих. Дело началось с арестов и обысков, или проще говоря, с грабежа имущества и маленьких денежных сбережений ни в чем неповинных людей.

Объяснения, имевшие место по сему возмутительному случаю между представителями Ирана и Советов, не дали положительных результатов, — наоборот, советское правительство издало приказ о массовом выселении из своих пределов Иранских граждан.

Таким образом, начиная с конца марта, по июнь, т. е. в течение трех месяцев, из сов. России вернулось к себе на родину около 70 тысяч иранцев в полуголом и полуголодном состоянии. Массовое возвращение рабочих продолжается безостановочно в ужасных условиях по сие время. Как известно, в Южной России и особенно на нефтяных промыслах Грозного и Баку число иранских рабочих достигало большой высоты.

Правительство Ирана, занятое размещением этой массы рабочих, поставлено в очень тяжелое положение.

«Не любезный» акт рабоче-крестьянского правительства в отношении рабочих Ирана, однако, не ограничился этим. В советской прессе появились корреспонденции об ужасном положении рабочих в Иране. Но эта глумливая и провокационная тенденция Советов получила надлежащий отпор со стороны иранской прессы, указавшей на безправие и нищенское,

жалкое существование советских рабочих, очутившихся, благодаря советскому режиму, в положении плотов или еще того хуже. Словом, Москве дан совет старика Крылова:

«Не лучше ль на себя оборотиться».

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОСЕТИНСКИЕ СВЯТИЛИЩА

По словам «Правды», археолого-этнографическая экспедиция Североосетинского музея краеведения, выезжавшая в малоисследованные в археологическом отношении горные районы республики, проделала «большую, интересную работу». Эта «большая и интересная работа» заключается в том, что «собран богатый антирелигиозный материал».

Это, конечно, тенденциозная интерпретация большевистского листка. С точки же зрения чисто научной, экспедиция изучила религиозный культ очень древнего святилища селения Уре-Дон, «Миг-Дау» («клятва в тумане»), служившего местом клятвы в невиновности обвиняемых в преступлении.

Пробретено также много ценных предметов религиозного культа. Около сел. Уре-Дон обнаружено 4 хорошо сохранившихся мумии естественной мумификации, представляющих большую ценность.

ТЕРРОР В АЗЕРБАЙДЖАНЕ.

Выездная сессия военного трибунала Азербайджана приговорила к расстрелу Шензяля Мирзоева и Меджида Мирзоева, из сел. Баш-Малах, Кахского района, подозреваемых в убийстве (путем удушения) учителя Али Асадова, который, будучи «активистом», любил «разоблачать» «врагов народа». Трое других жителей, подозреваемых в соучастии, приговорены к лишению свободы сроком на 10 лет.

В Сальянах, та же выездная сессия военного трибунала приговорила к расстрелу Нури Исмаилова, который заколол свою жену и ее мать, спешившую на помощь дочери; убийство это имеет характер социально-бытовой: жена, «активистка», хочет записаться в коммунистическую партию. Муж — против. Жена настаивает на своем, полагаясь на покровительство власть имущих. Опозоренный муж принимает

отчаянное решение убить преступницу. В результате — гибель целой семьи.

Политика «раскрепощения» мусульманки.

«ПРОЦЕСС» ЧЕТЫРНАДЦАТИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ.

В первых числах сентября, в Гандже, были расстреляны 10 человек из 14-ти, обвиняемых, официально, в принадлежности к «контрреволюционной, буржуазно-националистической, повстанческой - террористической вредительской организации» в системе Наркомзема Азербайджанской республики, ставившей «перед собой задачу насильственного свержения советской власти, отторжения Азербайджана от Советского Союза и реставрации капитализма».

Одним словом, та же стереотипная казенная формула, которую мы встречали во всех подобных «процессах».

Обвинительный акт добавляет, что для осуществления намеченной задачи, названная организация «проводила диверсионно-вредительскую работу в животноводческом хозяйстве» Азербайджанской республики «с целью подрыва экономической мощи страны, дискредитации политики советской власти, создания недовольства среди населения и подготовки условий для вооруженного восстания против советской власти».

Формула обвинения принимает еще более стереотипно-казенный характер, когда она добавляет, что «это еще не все»: что названная организация «являлась ответвлением» такой же контрреволюционной националистической, повстанчески-террористической организации, существовавшей в Азербайджане и что она «руководилась центром последней, в лице Везирова, Сафарова, Нанбова и др., осужденных по другому делу».

Следовательно, был еще другой «процесс», о котором советская пресса не промолвила ни слова, на котором осудили, разумеется, на смерть бывшего наркомзема Гайдара Везирова и его ближайших помощников....

Наконец, в «дополнение картины», обвинительное заключение говорит, что «в своей практической антисоветской работе, контрреволюционная, националистическая органи-

зация блокировалась с контрреволюционными организациями троцкистов, правых, мусавитов, армянских и грузинских националистов».

Вот список 14-ти обвиняемых:

1. **Полат-заде**, Аджи Аскер оглы, 38 лет, заместитель комиссара земледелия;
2. **Биландар-заде**, Мамед Али Кулу оглы, 40 лет, директор департамента земледелия;
3. **Аллахвердиев**, Бахрам Садых оглы, 34 лет, директор животноводческого совхоза;
4. **Султанов**, Сулейман Мурсал оглы, 36 лет, тоже;
5. **Исмаилов**, Черкез Зейнал оглы, 40 лет, директор Самухского овцеводческого совхоза;
6. **Гусейнов**, Гусейн Шантык оглы, 42 лет, директор Курдистанского животноводческого совхоза;
7. **Джигитов**, Ясон Иванович, 44 лет, зам. директора коневодственного совхоза;
8. **Исмиев**, Абдул Ахад Насир оглы, 34 лет, заведующий политическим отделом животноводческого совхоза Курдистана;
9. **Мамедов**, Сулу Мамед оглы, 33 лет, заведующий совхозом «Красный Самух»;
10. **Бабаев**, Алекнер Абдул-Гасан оглы, 45 лет, заведующий Кубахалинским совхозом;
11. **Панахов**, Муса Али оглы, 40 лет, заведующий Минчечурским совхозом;
12. **Султанов**, Мамед Надир оглы, 30 лет, зоотехник совхоза «Красный Самух»;
13. **Имек**, Афан Махмудович (!), 44 лет, заведующий ветеринарным отделением;
14. **Шихалиев**, Гусейн Рахимович (!), 30 лет, ветеринарный врач Кубинского района.

Все обвинение, за неимением других более веских доказательств, основано на «показаниях» подсудимых, выпытываемых у них чекистами, после их ареста. Некоторые из обвиняемых, должно быть, затрудняются, чем бы еще оговорить себя, «показывают», что они «подготавливали террор против руководителей партии и правительства, но кого они подстрелили — об этом нет речи.

Конкретно же, вот что можно вывести из всех этих «показаний»: «план» развития животноводства никак не удастся. Поэтому от подсудимых требуются обстоятельные самообвинения. Так, напр., они «срывали» случную

кампанию», путем несвоевременной подготовки производителя к случке или несвоевременной передачи ферме производителя... В результате, «матки оствались либо холостыми, либо получался поздний приплод, который слабо рос, давал мало эффективности (sic), а иногда и погибал».

Оказывается, не удалась и попытка «метизации» местного скота посредством случки с привозным.

Завозимые племенные производители, оставшись без ветеринарного надзора, заболели чесоткой или «переплазмозом» и погибли.

Ветеринарный надзор равнялся нулю, препаратов, медикаментов не хватало, какое обстоятельство будет обвинением интерпретировано, как «заведомое вредительство» со стороны ветврачей, «завербованных в контрреволюционную организацию».

Вот картина ухода за скотом в социалистическом раю и в стране американского прогресса:

«Скот содержался в антисанитарных условиях, скотомогильники в совхозе и на кочевках отсутствовали, навоз выбрасывался вблизи копен сена, вблизи скотных дворов, кошар и свиарников. Трупы павших животных выбрасывались на пастбища и поблизости от мест постоянного расположения скота и распространяли заразу».

А вот процент «отхода» скота:

Весь отход — падеж, хищение, недостача, вынужденный прирез за 1935—1937 г.г. — составляют 9.207 (в одном лишь совхозе, Самухском), на сумму по «балансовой стоимости», 554.844 рубля.

По Кубахалилинскому совхозу, «отход» составлял в 1936 г. 17,10 % для телят, 9,10 % для ягнят, 46,5 % для поросят, 14,3 % для жеребят, не считая падежа крупного скота.

Случаи сапа, сибирской язвы, ящюра и пр. эпидемий были весьма часты, унося массу скота. Больной скот не изолировался от здорового.

Но это еще ничего. Оказывается, сибирская язва и другие «скотные» эпидемии, бла-

годаря стараниям «врагов народа», перешли и к людям.

«За время с 1935 по 1937 г. сибирской язвой заболело 1.450 человек, из коих умерло 29.... Почти все районы Азербайджана заражены были различными эпизоотическими болезнями».

Затем обвинительный акт переходит к «вредительству» в области «обороноспособности страны по линии коневодства». Таким образом, узнаем, что, между прочим, был «ликвидирован» в Гильском районе, коневодческий завод с поголовьем лошадей свыше 1.000 голов, чем нанесено государству до 2.500.000 рублей ущерба.

Узнаем также, что, несмотря на шумные речи о ликвидации «безкорности», среди крестьян, в Азербайджане, на 1-е января 1937 г. «до 40.000 хозяйств колхозников оставались без коров», каковое обстоятельство также будет отнесено к «вредительству» 14-ти.

На суде, подсудимые Полат-заде и Билян-дар-заде отказываются от защитников, вероятно, не без основания, зная цену защитнику социалистического правосудия. Но вот «сюр де théâtre», который сводит на нет все «показания на предварительном следствии»: кроме 5-ти подсудимых, все остальные отказываются признать себя виновными, что ставит совсуд в несколько «неудобное» положение. На другой день, суд решает допрашивать обвиняемых по-одиночке и вырвать у них «признание». Начиная с Билян-дар-заде, который «виродолжение четырех с лишним часов» отрицает свое участие в какой-то контрреволюционной организации.

Что происходит в камере тюрьмы, куда его уводят, одному Аллаху досконально известно — хотя и простым смертным не трудно догадываться, — но на следующий день, на суде, повторяется, точь в точь, история с Крестинским: Билян-дар-заде говорит, что вчера он «пытался обмануть суд, двурушничая, отрицая свою виновность, но перед тяжестью совершенного и «улик», он признает свою вину. И он повторяет, как школьник, все тезы

обвинения. Допрашиваемый прокурором, подсудимый имеет наивность — в этом, может быть, и кроется его сегодняшнее «признание» — заявить, что отнюдь он не «размежевывается от организации и проклинает ее», что вызывает резонный смех в зале.

После этого инцидента», все «вошло в колею»: признания, самооговаривания подсудимых превосходили одне других по своей фантастичности. Один из них, Шихаллев, договорился до того, что стал обвинять себя в

даче указаний о неправильной ковке лошадей, «в результате чего лошади болели и становились негодными для сдачи в Красную армию».

При таком положении вещей, задача «суда» была весьма облегчена и 10 из обвиняемых, при «громадном энтузиазме колхозников», были приговорены к расстрелу.

Приводим имена, «спасшихся чудом» от расстрела и приговоренных от 12-ти до 20-ти годов заключения: «Икмек, Исмиев, Мамедов и Панахов.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1939 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

■■■■■■■■■■
 6-ой год
 издания
 ■■■■■■■■■■

„КАВКАЗ“

■■■■■■■■■■
 6-ой год
 издания
 ■■■■■■■■■■

Орган Независимой Национальной Мысли

Журнал ставит своей целью освобождение Кавказа от иноземной оккупации и образование независимого Кавказского государства на конфедеративных началах.

Считая, что политическая независимость Кавказа и культурно-экономическое его преуспеяние могут быть обеспечены только государством, построенным на принципе национальной солидарности, журнал будет вести неустанную борьбу против всех разлагающих и антинациональных сил и прежде всего против интернационализма и марксизма, как в большевицком так и в меньшевицком его воплощениях.

Условия подписки:

	на год	на 6 мес.	на 3 мес.
ВО ФРАНЦИИ:	36 фр.	18 фр.	9 фр.
В ДРУГИХ СТРАНАХ:	38 фр.	19 фр.	9 фр. 50 с.

Адрес Редакции: *Mr Haidar Bammate*, 10, rue de Pléto, Paris (15).